

Ольга Березовская

ТОЧКА ВОЗВРАТА

ПОДАРИ Жизнь

18+

Ольга Березовская

Точка возврата. Подари жизнь

«Автор»

2026

Березовская О.

Точка возврата. Подари жизнь / О. Березовская — «Автор»,
2026

Она пришла спасать его, зная, что он, возможно, выжил вместо её мужа во время эвакуации раненых. Он согласился жить, только чтобы доказать ей и остальным, что достоин этой жертвы. Но ни один из них точно не ожидал, что их отношения выйдут за рамки «реабилитолог – пациент». Точка возврата в жизнь найдена. Остаётся только сделать выбор: построить новую жизнь на руинах старой или погибнуть под их обломками. Вместе.

© Березовская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не забирай...	5
Глава 2. Белая тишина	11
Глава 3. Тонкая нить над пропастью	21
Глава 4. По разные стороны жизни	26
Глава 5 Право на жизнь	32
Глава 6. Вызов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Березовская

Точка возврата. Подари жизнь

Глава 1. Не забирай...

Густая тягучая тишина в приёмном покое казалась неестественной. Несколько месяцев назад о такой тишине можно было только мечтать. Стоны, сдавленные крики за дверями, гул голосов, грохот каталок – всё это начало стихать весной. Виктория на автомате готовила операционную. Конкретно в этот момент в ней необходимости не было. Но пусть, на всякий случай всё готово будет. Чтоб потом время не терять понапрасну.

Перемирие. Это слово висело в воздухе, как не окончательный диагноз. Все ещё ждали рецидива, держались в тонусе, но тело и нервы, измотанные месяцами авралов, уже начинали расслабляться. И это расслабление было опаснее любого напряжения.

В кармане завибрировал телефон.

Дима: Викуль, привет. Не спишь?

Уголки её губ сами собой дрогнули в подобии улыбки.

Вика: Дежурю. Всё тихо, можно и подремать. Ты как там?

Три точки то появлялись, то исчезали. Он набирал что-то долго, будто выбирал слова.

Дима: Спокойно пока. Но сейчас выезжаем. Заварушка мелкая на окраине. Эвакуация, четверо наших раненых. Дело на час-полтора, не больше. Как вернусь на базу – позвоню. Не скучай. Целую.

Обычная их переписка. Таких за последний год были сотни. Но сегодня что-то щёлкнуло внутри. Вика глубоко вдохнула, запах антисептика заполнил лёгкие. Попыталась загнать поднимающуюся волну тревоги обратно, куда-то в подкорку. Не накручивай. Обычная работа. С ним надёжные ребята. Она проговорила это мысленно, как мантру, убирая телефон и с силой выдыхая.

Но тишина вокруг, прежде успокаивающая, теперь давила. Она закончила раскладку, подошла к высокому окну, за которым была крошечная тьма летней ночи.

- Вика, всё спокойно? – окликнула её из-за спины другая медсестра.

- Пока да, – кивнула Вика, отворачиваясь от окна. – Тишина.

- Да уж, непривычно. Словно перед бурей, – бросила та на ходу и скрылась в коридоре.

Перед бурей. Слова, как игла. Вика потёрла виски. Ей нужно было отвлечься. Она заварила крепкий чай в крошечной комнатке для персонала. Попыталась читать очередную статью по реабилитации. Сейчас уже можно было к этому вернуться. Когда-то Вика не доучилась в меде, но мечту стать реабилитологом не оставила. И теперь она была в этом деле на голову выше многих специалистов с дипломами. Буквы расплывались. В мыслях Вика была рядом с Димой, как и год назад. Когда всё только начиналось.

Сон накатил почти мгновенно, тяжёлый, как свинцовая волна. Но это был не отдых. Это был кошмар наяву, составленный из обрывков реальности. Грохот, взрывы за окном. Крики – не пациентов, а чужие, мужские, полные ужаса и боли. Она бежала по бесконечному белому коридору, но вместо дверей в палаты по сторонам зияли окопы, а на каталках лежали люди в разорванном камуфляже, и она не могла никому помочь, потому что не видела их лиц под масками крови и грязи. И где-то впереди, за последней дверью, до которой никак не добежать, звонил телефон. Звонок был настойчивым, пронзительным, как сирена.

Вика дёрнулась, проснулась от собственного резкого движения. Сердце колотилось, ладони были влажными. В ушах ещё стояло эхо того звонка. Рабочий телефон молчал, личный – тоже. Она встала, прошлась по коридору, заглянула в ординаторскую. Всё как всегда.

Вернувшись на пост, Вика взяла телефон. Палец замер над кнопкой вызова Димы. Не надо. Не отвлекай его. Он за рулём. Или занят эвакуацией. Она положила аппарат обратно, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль, острая и ясная, немного прояснила сознание.

Она решила сделать ещё один круг, проверить, всё ли в порядке в операционных. Автоматические действия успокаивали. Зашла в первую операционную – стерильный блеск нержавеющей стали, ровные ряды инструментов. Запах хлорамина. Здесь она была в своей стихии. Здесь всё подчинялось логике, протоколу, контролю. Здесь не было места беспричинным страхам.

Но всплыло другое воспоминание. Зимнее. Она, только из операционной, и Дима, пахнущий ветром, морозом и порохом. Стоят и обнимаются в коридоре. И не знают, когда увидятся в следующий раз. Тихое, еле слышное: «Люблю, скучаю». И разбегаются оба по своим постам.

– Вика, вот ты где! Тут всё готово. Хорошо, – заведующий Евгений Дмитриевич осматривает операционную. – Готовь остальные.

– Что? Что случилось? – встрепелась она.

– Везут шестерых. Тяжёлые. Будут минут через двадцать.

Слова обрушились, как удары. Шестеро. Надо шесть полноценных бригад. Только где их взять? Ещё и в реалиях комендантского часа.

– Кого вызываем? – её голос прозвучал хрипло.

– Уже вызывают кого надо. Но могут не успеть. Раненых наш Роман везёт.

Вика, поправлявшая шапочку, замерла. Роман Барсентьев. Их друг Барс. Лучший травматолог отделения, ушедший год назад добровольцем в медроту. Если раненых везёт он сам, значит, всё плохо. Значит, они едут, может быть, наперегонки со смертью, и каждая минута в пути – пытка для него самого. И целых шестеро...

– Поняла, – коротко бросила она и рванула к двери, обгоняя заведующего. Её мысли уже бежали впереди тела.

Она вернулась в приёмный покой. Заведующий не отрывался от телефона. Его лицо было напряжено.

– Евгений Дмитриевич, кто на каких операционных?

Заведующий провёл рукой по лицу, жест был усталым и резким.

– Я оперирую. Ты мне ассистируешь в первой. Михеев берёт вторую. В третью... – он заколебался, взгляд его ушёл в пол. – В третью пойдёт Роман, если согласится.

В его глазах боролись нежелание нарушать протокол, отчаяние и холодный расчёт. Роман сейчас был действующим военным врачом, не сотрудником их больницы. Допустить его к столу – нарушить всё, что можно. Но на кону были жизни. Шесть жизней.

– Можно я с ним? Мы всё-таки много лет вместе в операционной были, – попросила Вика.

– Ладно, – выдавил он. – Третья операционная. Если Роман будет в состоянии.

Грохот каталок ворвался вместе с запахом войны – пороха, гари, железа и чего-то такого, отчего свело желудок. Двери распахнулись настежь, и в них начали вкатывать каталки. Вика, стоявшая на пороге операционного блока, оценивала всё холодным взглядом профессионала. Первая каталка: молодой парень, лицо залито кровью, одна нога неестественно вывернута. Вторая: мужчина постарше, кричит, хрипло, беззвучно, хватаясь за живот. Третья...

Её глаза скользнули по фигуре на третьей каталке, и мир рухнул. Всё вокруг – шум, крики, мельтешение людей – ушло куда-то на сотый план. Осталось только это лицо. Белое, почти серое, под наплывами грязи и запёкшейся крови. Губы синие, плотно сжатые. Глаза закрыты. Но очертания скул, линия брови, даже то, как лежала его рука, ладонью вверх, с чуть подогнутыми пальцами – всё это было знакомо до каждой молекулы. Дима. Воздух вырвался из её лёгких беззвучным стоном. Она не осознала, что сделала шаг вперёд, потом ещё один. Протянула руку, чтобы коснуться его, своего Димы.

И тут перед ней возник Роман. В своём залитом грязью и тёмными пятнами камуфляже вместо белого халата. На его измазанном лице читалась такая усталость и горе, что Вике стало физически больно смотреть на него. А он глянул на неё, и в этом взгляде читалось всё. И в первую очередь, вина. Глухая, всепоглощающая. Роман открыл рот, губы дрогнули, и он выдохнул хрипло, почти беззвучно, но она прочла по губам, а потом и услышала сквозь грохот:

– Вика... Прости. Не уберёг.

Эти три слова вонзились в неё, как ледяные иглы. «Не уберёг». Но она понимала, Роман сделал всё, что мог сделать там. И не потому, что, они с Димой друзья с детства. Это его долг. Иначе он не был бы здесь. Она кивнула, резко, почти судорожно. Не словами – жестом. Неважно. Сейчас неважно.

Евгений Дмитриевич, растолкав санитаров, рванулся к каталкам и крикнул, перекрывая шум:

– Первый и второй – самые тяжёлые! Роман, ты берёшь второго! Я беру первого! Третьего и четвёртого – во вторую, Михееву! Пятого и шестого – в третью на стабилизацию!

Вика услышала это и, как будто её вытолкнули из ступора, рванулась вперёд. Она вклинилась между Романом и каталкой Димы.

– Я с тобой, Рома! – её голос прозвучал не как просьба, а как приказ, хриплый и не свой. – Я буду ассистировать. Мы с тобой, мы...

Она уже тянулась к каталке, её пальцы инстинктивно искали пульс на шее мужа. Слабый, едва уловимый – но он был. Он был жив. Значит, есть шанс. И будто чудо какое-то, Дима на мгновение открыл глаза и прохрипел: «Прости...»

Сильная, цепкая рука схватила её за локоть, резко оттащила в сторону. Евгений Дмитриевич встал между Викой и каталкой. Его лицо искажилось от боли, но он был в первую очередь врачом. И на ещё одно нарушение пойти не мог.

– Иримина, ты не можешь! – он намеренно назвал Вику по фамилии. – Ты же его жена! По всем правилам, по всем понятиям – ты не можешь! Ты идёшь со мной, как и планировали сначала. Если можешь. Если не можешь – я пойму. Решайся, Вика!

Слова прозвучали как выстрел. «Ты не можешь». Профессиональное табу. Конфликт интересов. Эмоциональная вовлечённость. Она сама, сто раз, вбивала это в головы студентам и новым сёстрам. Хирург должен быть беспристрастным богом, а не дрожащим от ужаса и надежды человеком у стола любимого. Это правило было высечено в камне. И сейчас этот камень обрушился на неё. Евгений Дмитриевич не ждал ответа. Он уже бежал обратно, к первому тяжёлому, к своей операционной. Дверь перед Викой распахнулась, и её втянуло внутрь.

Тишина операционной, резко контрастирующая с адом в коридоре, оглушила её. Здесь уже царил другой ад – стерильный, холодный, освещённый безжалостным светом. На автомате она подошла к столу и жёстко, профессионально зафиксировала картину: рваные раны, тёмная, почти чёрная кровь, осколки, обрывки ткани.

Не думать. Это был первый и единственный приказ, который Вика отдала себе. Не думать о том, что за стеной. Не думать о его лице. Работать. Она смотрела только на операционное поле. На руки врача. Слушала только его команды. Её собственные движения были отточенными, точными, быстрыми. Годы муштры сделали своё дело. Её разум отступил в тень, уступив место медсестре, запрограммированной. Она подавала инструменты, отсасывала кровь, прижимала тампоны. Всё правильно. Всё так, как надо.

Но где-то на задворках сознания, за той бетонной стеной, которую она возводила изо всех сил, пробивался тонкий, ледяной луч осознания. Она узнала этого пациента. Мельком, краем глаза, когда их вкатывали. Это Димин сослуживец. Может быть, тот, кого они эвакуировали. Может быть, тот, с кем они поехали. Его лицо казалось сейчас совершенно незнакомым.

Операция длилась бесконечно. Каждая минута растягивалась в час. Она ловила себя на том, что прислушивается не к командам врача, а к звукам из-за стены. Но сквозь толстые двери

не доносилось ничего, кроме приглушённого гула систем и собственного неровного дыхания под маской.

Дверь в их операционную приоткрылась. Кто-то вошёл и, молча, встал рядом. Роман. Его руки Вика узнала бы даже в темноте. Но глаз она не подняла. Она не могла. Если она увидит в его глазах ответ раньше времени, её стена рухнет окончательно. Она смотрела только на рану, только на алую, пульсирующую плоть под её руками. Здесь она ещё могла что-то контролировать. Здесь она ещё была нужна. Хотя бы этому мужчине, чья жизнь тоже висела на волоске.

Она зажмурилась на долю секунды, ощущая, как под маской по её щеке скатывается горячая, солёная капля. Потом снова открыла глаза. И продолжила работать. Потому что другого выбора у неё не было. Её война сейчас шла здесь, на этом столе. А исход той, другой войны, ей оставалось только ждать. И надеяться, что там победили.

Четыре часа – это вечность. Это немыслимое количество решений, принятых на грани паники. Когда наконец послышалось хриплое: «Всё. Ушиваем. Дальше – реанимация», Вика не сразу поняла смысл слов. Её сознание, зажатое в тисках концентрации, медленно раскручивалось, как туго заведённая пружина. Она отступила от стола, её руки сами опустились вдоль тела. Взгляд упал на пациента. Живой. Его грудная клетка поднималась и опускалась в такт с аппаратом ИВЛ. Монитор показывал неровную, но упрямую зелёную кривую. Вика не почувствовала облегчения. Только оглушительную, ватную пустоту.

Вика наконец-то позволила себе посмотреть на Романа. Всё вокруг – тихий гул ночной больницы, чьи-то шаги вдалеке, пиканье аппаратов – растворилось, схлопнулось в точку. Весь мир уместился в пространстве между ними.

Они смотрели друг на друга. Никаких слов. Никаких жестов. Они смотрели – и всё было понятно. Они проработали бок о бок десять лет. Они спасали и теряли вместе. Они понимали друг друга с полувзгляда, с полудвижения. А сейчас понимание было полным и абсолютным. В его глазах не было надежды. Не было вопроса. Была только тяжёлая, окончательная ясность. Ясность, которую он принёс из той операционной. И бездонная, неподъёмная скорбь. Вика увидела в них отражение собственной пустоты. И поняла всё. Димы больше не было.

Мысль не пришла словами. Она ударила физически, в солнечное сплетение. Воздух вырвался из её лёгких беззвучным спазмом. Ноги подкосились, но он удержал. Она продолжала смотреть на Романа, и он смотрел на неё, не отводя глаз, принимая на себя весь удар её понимания.

Он прижал лоб к её плечу, и Вика почувствовала, как всё его тело содрогнулось. Тихий, прерывистый звук вырвался из его груди. Не рыдание, а что-то гортанное, звериное.

– Прости... – прошептал он, его голос был разбитым, лишённым всяких интонаций. – Прости, Вика... Я... я не смог... я...

Он не мог договорить. Виска сжала зубы до боли. Её собственные слёзы, до этого замороженные где-то глубоко внутри, начали медленно, неумолимо подниматься, жгли горло, застилали глаза пеленой. Но она не дала им прорваться. Не сейчас.

Она подняла руки и обняла его в ответ. Так же крепко. Опираясь на него, как он на неё. И когда заговорила, её голос прозвучал удивительно тихо, ровно, почти спокойно, сквозь эту предательскую хрипоту слёз:

– Ром... не извиняйся. Ты сделал всё, что мог. И даже больше.

Она отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть ему в лицо. Его глаза были красными, мокрыми, полными такой немой муки, что сердце сжалось.

– Ты сделал всё, – повторила она, вкладывая в каждое слово всю силу, какая ещё оставалась. – И не потому, что он твой друг. А потому что ты врач. Ты боролся за него как врач. До конца. Как и все здесь.

Вокруг них медленно оживал больничный мир. Зашевелились санитары, покатали каталку с Дániлом в реанимацию. Кто-то тихо плакал в стороне. Заведующий, сгорбившись,

поплёлся в свой кабинет – оформлять бумаги, звонить родным. Делать то, что нужно делать после. Всегда после.

Но они стояли. Минуту. Две. Пока ледяная дрожь не стала одолевать тело Вики, пока ноги не онемели окончательно. Пока не пришло осознание, что эти четыре часа закончились. И началось то, что будет длиться вечно – жизнь «после». Жизнь, в которой Димы больше нет. А в соседней палате лежит человек, которого он, возможно, спас ценой своей жизни. И им предстоит как-то жить с этим. Но не сейчас. Сейчас им нужно было просто выстоять. И они стояли.

Темнота. Вязкая. Тяжёлая. Густая. Она давила на веки, заливала лёгкие, в ней не было ни верха, ни низа, ни времени. Но где-то в самой её гуще пульсировала боль. Тупая, но настойчивая, как удары метронома. Эта боль была якорем, единственной нитью, связывающей его с реальностью. А реальность ускользала, как живая рыба из рук. И из этой темноты, подгоняемые болью, всплывали картины. Яркие, но неотчётливые. Как фотоплёнка из детства, засвеченная по краям.

Лето у бабушки с дедушкой. Пахнет пылью, спелой черемухой из посадки и угольной пылью от террикона. Он, семилетний Данька, в стёганных штанах, уже порванных на коленке, ползёт на животе по сухой, колючей траве. В руке – самодельный лук, тетива из рыбацкой лески. Впереди, за стволами кривых берёз – штаб «врага», давно заброшенная, покосившаяся будка сторожа.

Рядом с ним сопит и ползёт Валерка, лучший друг, с таким же луком. Лица вымазаны землёй для маскировки.

– Тише, Кот, – шипит Валерка. – Они уже близко!

Сердце колотится не от страха, а от восторга. Это самая важная война на свете. Захват штаба, плен вражеского генерала Петьки из пятого подъезда. От исхода этой битвы зависит всё: кто первый будет качаться на единственных качелях во дворе.

Он приподнимается на локтях, натягивает тетиву. Стрела с присоской от детского пистолета дрожит на конце. Целится в дверь будки. Выдох. Щелчок. Стрела со звонким шлепком втыкается в гнилую древесину, в сантиметре от Петькиной фуражки. Визг, топот, крики «Убит! Все, Кот, твоя взяла!».

Данька вскакивает во весь рост. Солнце бьёт в глаза, слепит. Он кричит, ликуя, и его крик сливается со смехом мальчишек. Валерка хлопает его по спине. Они победили. Мир прост, ясен и прекрасен. Боль существует только в виде разбитой коленки или подзатыльника от отца. Война – это игра. Смерть – это притворное падение на траву с криком «А-а-а, меня подбили!» и последующий смех.

Запах пыльной травы, жара, вкус победы на языке. Полная, безоговорочная радость.

Вдруг темнота разлетается на тысячу осколков. Осколки впиваются в тело и собираются уже совершенно в другую тьму – горячую и рвущую. И жестокую.

Та же посадка, что и тридцать шесть лет назад. Не день, а летняя ночь. И пахнет не черемухой, а едкой гарью, бензином и порохом. Он не ползёт. Он бежит, согнувшись в три погибели, но не по траве, а по грязи, перемешанной с осколками кирпича и щепками. В руке, не лук, а автомат. Рядом Дима, а не Валерка. И враг уже настоящий, а не назначенный.

Он уже не Данька. Он – «Архитектор». Позывной. Тащит на себе раненого товарища, потому что по-другому нельзя. Потому что это уже не игра. Потому что здесь «убит» – значит навсегда. Они эвакуируют четверых молодых пацанов. Главное – довести. А там Барс их подлатает уже. Машина ждёт за поворотом, в низине, замаскированная. Осталось каких-то двести метров. Но самых опасных метров.

Дима, его напарник, идёт чуть впереди, прикрывая. Его движения чёткие, выверенные. Он не смотрит по сторонам – он сканирует пространство, каждую воронку, каждое окно в

руине. Балагур и остролов. За этот год он стал другим за эти месяцы – тише, собраннее, в глазах появилась постоянная, пристальная глубина.

– Давай, живей! – бросает Дима через плечо, голос низкий, напряжённый. – Чувствую, сейчас понесётся.

Они почти у машины. Сейчас погрузят мальчишек, и уедут отсюда.

Вспышка. Острая, белая, как удар по глазам. Боль в ноге превращается в ослепительный взрыв, от которого звенит в ушах и перехватывает дыхание. Темнота пытается сомкнуться, но память издевательски продолжает подкидывать воспоминания.

Оглушительный грохот настигает их уже в пути. На обратном пути за рулём уже не он. Земля содрогается под ними. Между разрывами Дима начинает говорить. Почти обыденно, но в его голосе, перекрывающем рёв мотора и отдалённый гул, звучит странная нота. Не страх. Сожаление. Глубокая, тихая человеческая грусть.

– Эх, Данька... – говорит он, и в уголке его глаза, кажется, дрогнула та самая, знакомая усмешка, но теперь она горькая, как полынь. – А так хотелось, понимаешь... До золотой свадьбы дожить. И у Евы на выпускном погулять. Платье белое купить, как у принцессы...

Слова. Они такие простые. Такие невероятно далёкие от этого ада. Они о другом мире. О мире, где есть «золотые свадьбы», «выпускные» и «белые платья принцесс». О мире, который Дима оставил там, всего лишь в нескольких километрах отсюда.

Данил хочет что-то сказать. Крикнуть: «Да брось, доживём! Увидишь ты дочь в этом платье!» Или просто бранное, ободряющее: «Да заткнись ты, мечтатель! Смотри в оба!». Но язык не слушается. Горло сжато. Он только смотрит на него, на этого взрослого мужчину с детской, несвоевременной мечтой в глазах.

И в этот миг всё взрывается. Ослепительная, всепоглощающая вспышка, которая съедает все образы, звуки, запахи. Она не оглушает – она стирает.

Последнее, что успевает зафиксировать его сознание, прежде чем его швырнёт в чёрную, бездонную яму, – это не взрыв. Это нога Димы на педали газа и спокойное «Вырвемся!»

Темнота. Густая, абсолютная. Без снов, без картинок. Только пульсирующая, вселенская боль и далёкий, назойливый звук. Писк. Ровный, механический писк.

Тьма отступает, но не уходит. Она становится серой, мутной. В ней плавают разрозненные ощущения. Холод. Жидкость, вливающаяся в вену. Голоса. Приглушённые, плавающие где-то над головой: «...потерял много крови... множественные... селезёнка...» Механический вдох-выдох. Не его. Аппарата. Запах. Стерильный, химический. Хлорка, спирт, лекарства. Никакой черемухи. Никакой гари. Другой ад.

Глава 2. Белая тишина

Противная мелкая морось дождя не дарила прохладу жарким летним днём. От влажности казалось только жарче. Да и мокрый чернозём тонким слоем размазывался по обуви. Небо будто плакало. Но не навзрыд. А сдерживаясь, будто пряча слезинки. Как и все на похоронах Димы. «Если со мной что-то, то вы всемирный потоп не вздумайте устроить» - вспомнилась Вике фраза, брошенная мужем год назад. Вот природа и послушалась.

Вика держала за руку Еву. Маленькая ладонь дочери была холодной и влажной, как и её собственная. Несмотря на жару. Она смотрела на гроб, нелепый, показательный. Он не подходил Диме. Ему бы что-то простое, деревянное. Или лучше вообще ничего – чтобы просто ушёл в землю, откуда пришёл. Всё происходящее казалось Вике какой-то бессмысленной формальностью, жутким, отлаженным ритуалом прощания, который и прощанием-то нельзя назвать. Сплошная глухая и бесформенная боль, зацепившая всех присутствующих.

Вика не плакала. Слезы закончились в первый день в квартире Романа, когда его жена убаюкивала её, словно маленькую девочку. Сейчас внутри была только пустота и странное, отстранённое наблюдение. Она и себя-то видела словно со стороны: чёрное платье, слишком большое, будто с чужого плеча, бледная маска вместо лица. Она видела Еву рядом – в синем платице с белым воротничком, которое натянула на неё бабушка, Димина мама. «Папу надо провожать красиво». Девочка смотрела на гроб широко открытыми глазами, не понимая до конца, но чувствуя всеобщую тяжесть. Она прижималась к матери, Вика же с трудом сдерживалась, чтоб не увести её отсюда.

Справа стояли Рома, Саша и Юра. Ещё трое осиротевших без друга. Роман наблюдал за всеми профессиональным взглядом врача. Юра с Сашей сутулились и казались такими же потерянными, как и она сама. Слева – женщины. Дина и Юля. Их взгляд был прикован к Вике. Они ловили каждый её вздох, и были готовы в любой момент подхватить, поддержать, отвести в сторону.

За ними – родители. Димин отец, Николай Иванович, стоял навтыжку, со слезами на глазах. Мама, Валентина Степановна, опиралась на мужа. Она смотрела на своего единственного сына и, казалось, готова была шагнуть следом за ним. Её родители, в один миг постаревшие. Родители друзей. Сослуживцы. Какие-то совершенно незнакомые ей, Вике, люди.

Священник закончил. Наступила та тягостная пауза, когда все ждут, что кто-то должен сделать первый шаг, бросить горсть земли. Все смотрели на Вику. Она не двигалась. Она не могла. Мысль о том, чтобы взять в руки эту холодную, липкую грязь и бросить её на полированную крышку, была чудовищной, кошмарной. Она не хоронила его. Она не могла. Но всё-таки соблюла ритуал. А следом за ней и все остальные.

Вдруг Валентина Степановна издала странный, сдавленный звук – не крик, не стон, а как будто воздух вырвался у неё из груди против воли. Её колени подкосились. Николай Иванович попытался удержать, но сам пошатнулся.

Всё случилось за секунды. Вика отпустила руку Евы и рванулась к свекрови, Девочку тут же подхватила Дина. Мёртвая скованность исчезла, сменившись резким, бездумным действием. Она успела подхватить падающую женщину, не дала ей рухнуть в грязь, опустилась с ней на колени. Валентина Степановна была лёгкой, как пух, вся дрожала мелкой, частой дрожью.

– Мама, – выдохнула Вика, прижимая её к себе. – Мама, дыши. Всё хорошо.

Это была ложь. Ничего не было хорошо. Но слова вырвались сами. Как утешительный лепет для маленького ребёнка.

Роман сделал резкое движение вперёд, чтобы помочь, но его тут же остановили. Юля прошептала ему что-то, качая головой. Вике нужно было делать что-то, заботиться о ком-то, кроме себя. Иначе она рассыплется здесь, на этом кладбище, прямо сейчас.

– Полегче, мам? – бормотала она, не узнавая свой голос. – Всё пройдёт. Сейчас отведу тебя в машину.

Николай Иванович, опомнившись, опустился рядом, его сильные, рабочие руки дрожали.

– Валь... Валечка, держись.

Между ними троими, над мокрой землёй, над всё ещё открытой могилой, возник странный, хрупкий союз скорби. Вика, поддерживая свекровь, вдруг почувствовала их ужасающее единство. Они обе потеряли часть своего будущего. Они обе стояли на краю одной и той же пропасти.

Саша и Юра аккуратно помогли поднять женщин. Вика, не отпуская Валентину Степановну, повела её к машине, игнорируя тяжёлые, полные сочувствия взгляды остальных. Ева уцепилась за край её платья и шла следом, спотыкаясь и растирая слёзы по щекам.

Поминки были дома, в квартире родителей Димы. Говорили тихо, обрывками. Поднимали тосты «за упокой», и водка обжигала горло, не принося облегчения. Друзья вспоминали как поздно вечером в тот страшный майский день, год назад, Дима сказал: «Мы больше никогда не будем все в одном месте. Потому, что если уйдёт кто-то один, остальные никогда не оставят в беде его семью. А если уйдём все разом...» Вдруг Вика заговорила. Голос её был ровным, без интонаций.

– Он звонил. Говорил, что к утру дома будет. Сказал, что соскучился по моим сырникам.

Она замолчала, уставившись в стену. Юля подошла, обняла её за плечи, но Вика не отреагировала.

– Почему именно он? – спросила она не у кого-то конкретно, а у воздуха, у Бога, у несправедливой вселенной. – Я каждый день вижу смерть на работе. Каждый день. Почему она взяла именно его? Он был хорошим. Он... он хотел ещё сына. Говорил, назовём Ромкой, в честь тебя, Барс. Ребят, я не могу больше. Спойте, пожалуйста! Без разницы – что. Что у вас в машине играло всегда, что всегда пели, когда собирались. Только без зауспокойных тостов, пожалуйста!

Вика просительно посмотрела на Романа. Тот тихонько затянул один из их негласных гимнов: «Когда хандра накрывает вдруг, и впору взять да напиться. Открой глаза оглянись вокруг...» К нему стали несмело присоединяться и остальные. Одна песня, другая, третья. Между песнями не торжественные речи, а воспоминания каким Дима был. Никто и не заметил, что давно уже пора расходиться. Друзья с жёнами остались помочь с уборкой. Когда всё было сделано, Николай Степанович обнял их и со слезами на глазах произнёс: «Спасибо, что проводили сына во так...»

Дни и ночи превратились в одно серое месиво. Холодная и бездонная пустота затягивала с каждым днём всё сильнее. На восьмой день после похорон Вика проснулась в пять утра, ещё до будильника. Она лежала, глядя в потолок, и поняла, что не может провести ещё один день в этой квартире, где всё напоминало о Диме. Тишина казалась губительной. Она вставала, пила воду, смотрела, как спит Ева, и чувствовала, как стены медленно, но верно сдвигаются, чтобы раздавить её.

В семь она уже стояла в ванной, рассматривала в зеркале своё лицо. Бледное, с синими тенями под глазами, с новой, чуть заметной складкой страдания у рта. Она накрашилась, пытаясь скрыть следы бессонницы. Но взгляд, пустой, выжженный, выдавал её.

На работу Вика доехала, как в тумане. Ноги сами несли её по знакомому маршруту. Когда она вошла в приёмное отделение травматологии, мир не рухнул. Лишь накренился, стал чужим и неудобным. Больничные запахи разом вернули в тот страшный день, и нахлынули воспоминания.

Первой встретила медсестра Марина на посту. Удивление на её лице тут же сменилось такой щемящей жалостью, что Вике захотелось развернуться и уйти. Марина бросилась к ней, обняла.

– Вика, родная! Что ты? Как ты? Ты зачем?

– На работу, Марин, – сказала Вика, и её голос прозвучал ровно, почти нормально. – Дежурство по графику.

– Да какой график! Тебя же сняли с дежурств! Евгений Дмитриевич....

– Я поговорю с Евгением Дмитриевичем, – перебила Вика, аккуратно высвобождая руки.

Она прошла дальше, чувствуя на спине взгляды, быстрые, украдкой, полные сочувствия, от которого уже хотелось кричать. Они видели в ней не коллегу, а жертву. Вика уже ненавидела это.

Кабинет заведующего был открыт. Евгений Дмитриевич сидел за столом над бумагами. Но когда она появилась в дверях, поднял голову, и на его усталом лице отразилось то же самое – шок, а за ним – беспокойство.

– Вика, – сказал он, откладывая ручку. – Не ожидал тебя так скоро.

– Я вышла, Сергей Петрович, – сказала она, оставаясь на пороге. Ей казалось, стоит переступить этот порог, её ноги подкосятся.

– Не рано ли? – он запнулся, ища слова. – Тебе нужен отдых. Мы всё понимаем...

«Понимают». Все всё понимали. И от этого понимания хотелось разбить что-нибудь.

– Мне нужна работа, – перебила она, и в её голосе снова прозвучали стальные нотки. – Если я останусь дома, я сойду с ума. Я не прошу в операционную. Я не готова. Я это знаю.

Заведующий с облегчением кивнул. Потом снова нахмурился.

– Но куда же? На пост? В приёмное?

– К тем, кто выжил, – чётко сказала Вика. –

Тишина в кабинете стала осязаемой. Евгений Дмитриевич откинулся на спинку кресла, изучая её.

– Вика, – начал он осторожно. – Я не уверен, что это хорошая идея. Видеть их...

– Мне это необходимо, – она не позволила ему договорить. – Я не буду лезть к ним с вопросами. Я буду делать свою работу. Они были с ним в последние минуты. Они – последние, кто его видел живым.

Профессионал в виде медсестры исчез, осталась душевно израненная женщина, которая цепляется за работу, как за последний якорь. Именно это и убедило его согласиться.

– Ладно. Но если я увижу, что ты не справляешься – уходишь в отпуск. И ещё: ни о чём не спрашивай их. Они в тяжёлом состоянии, им не до вопросов.

Она кивнула, не в силах говорить. Она и сама не знала, что будет делать. Просто знала, что должна быть там.

Палата встретила её стерильной тишиной, нарушаемой лишь мерным писком аппаратов. Здесь всё было по-другому – более остро, что ли. За стеклянной стеной лежали трое. В дальнем углу – тот самый Даниил Котов, с которым она была в операционной. Всё ещё без сознания, опутанный проводами и трубками. Ближе к выходу – двое других с ампутациями, в сознании.

Первые два дня Вика работала на автомате. Она избегала смотреть им в лица, сосредотачиваясь на ранах, на процедурах. Была безликой тенью, которая оказывала необходимую помощь. Мужчины при ней молчали.

Но на третий день, меняя капельницу, Вика стала невольной свидетельницей разговора.

– Нас завтра в другую палату переведут. Стабильные мы, – горько усмехнулся один.

– Ага, по сравнению с двухсотыми – так вообще везунчики – угрюмо ответил другой, его взгляд был мутным от боли и лекарств, но осозанным.

- Слушай, он нас эвакуировал, - мужчина махнул рукой в сторону Данила. – Он нас вытянул, а сам... Врачи не говорят ничего. Второго вообще нет. А мы живы зачем-то. Пусть и вот такие.

- Ты хоть что-то помнишь? – спросил другой.

- Нет. Помню только, что водитель гнал, как бешеный.

- Может, он очнётся и что расскажет...

Вика подошла к дальней койке. Её будто магнитом притянуло к Даниилу. Его лицо, бледное, обросшее щетиной, было напряжённым даже в бессознательном состоянии. Его пальцы иногда дёргались. Что он видел там, в своём бреду? Взрыв? Смерть? Или что-то ещё? Как так получилось? Она боролась за его жизнь на операционном столе, а он, единственный, кто знал правду о гибели её мужа. Правду, которую она отчаянно хотела узнать.

Вика потянулась, чтобы поправить капельницу. И в этот момент что-то тёмное, неуловимое шевельнулось внутри. Этот человек выжил. А Дима – нет. Он был рядом. Он должен был знать. И почему он не сделал что-то? Почему не спас его? Мысль была ядовитой, несправедливой, дикой. Она отшатнулась от койки, как от огня. Это же не его вина. Она сама видела его раны. Он был на грани смерти. Но рациональные доводы разбивались о каменную стену горя и невысказанного вопроса, который теперь жил в ней: «Что ты видел? И почему ты здесь, а его нет?»

Вика вышла из палаты в коридор, оперлась о холодную стену и закрыла глаза. Работа, которой она искала спасения, привела её не к утешению, а к новому витку боли. И к молчаливому, беспомощному свидетелю, который пока что не мог дать ей никаких ответов.

Пустота после гибели Димы заполнялась странным образом. Никому непонятными ритуалами. Ритуал утреннего подъёма, когда не нужно было варить кофе на двоих. Ритуал собирания Евы, который теперь занимал втрое больше времени, потому что руки не слушались, а мысли улетали в никуда. Ритуал встречи с родителями.

Димины родители сначала забирали Еву на часик. Часик растягивался на три, на четыре. Возвращали усталую, накормленную.

– Тебе надо отдыхать, Викуша, – говорила Валентина Степановна, её глаза, ещё не высохшие от слёз, смотрели на неё с таким жалостливым пониманием, что хотелось закричать. – Мы свою внученьку повоспитываем. Он бы хотел.

«Он». Они всё чаще говорили о Диме так, будто он просто в командировке. Или подменяли его имя местоимением. Ева стала единственным живым напоминанием о сыне. Их единственным светом в абсолютно тёмном окошке. Раньше дочь оставалась по очереди то с одними, то с другими родителями. Сейчас же они были все вместе, все четверо с одной маленькой девочкой. Потому что большая к себе не подпускала. Большая не хотела пускать никого в своё горе.

Так она стала тенью в собственном доме и в палате, куда перевели Даниила. Вика выходила на работу. Иногда не по графику, а когда не могла больше сидеть дома. Она не спрашивала разрешения. Она просто приходила, меняла халат и шла к той самой палате. Особо никто не возражал. Людей по-прежнему не хватало.

Даниил Котов. Он всё ещё был без сознания. Его состояние стабилизировалось, но мозг отказывался возвращаться. Он лежал неподвижно, лишь грудь монотонно поднималась и опускалась. Его лицо было незнакомым. Не тем, что было на многочисленных Диминых фото. Широкие скулы, тяжёлый подбородок, тёмные брови. Щёки и подбородок покрылись тёмной, колючей щетиной. Веки с синевой. Шрам – старый, не от этого ранения – над правой бровью. Измождённое. Но не слабое. В этом лице, даже в беспометстве, читалась привычка к напряжению, к волевому усилию. Руки, лежащие поверх одеяла, были большими, с узловатыми, рабо-

чими пальцами, с содранными костяшками. Руки, которые что-то держали, тащили, строили. Или воевали.

Она стояла рядом, иногда по полчаса, просто глядя на него. Мыслей не было. Вернее, была всего одна, ненормально навязчивая: что ты видел? Что ты видел в последнюю секунду? Его лицо? Страх? Решение? Что он сказал? Крикнул? Успел ли что-то почувствовать? Было ли ему больно?

Иногда, очень редко, молчание Даниила прерывалось. Это не было пробуждением. Это был бред, прорывающийся сквозь пелену лекарств и травмы. Его тело вздрагивало, пальцы сжимались в кулаки. Губы, пересохшие и потрескавшиеся, шевелились. Сначала она отшатывалась, будто её подслушали. Потом стала прислушиваться, затаив дыхание.

Голос был хриплым, беззвучным шепотом, который она ловила, наклоняясь.

– Дима... – выдыхал он чаще всего. Просто имя. То с отчаянием: «Дима, нет!» То с командной интонацией: «Дима, прикрой!» То по дружески: «Дима, братан...»

Потом другие имена. «Артём...» – звал он, и в голосе прорывалась тревога. «Ира... про-сти...» – это звучало как стон, полный такой муки, что Вика невольно краснела, будто вторглась в чужую спальню. Кто они? Сын? Жена? Девушка?

И снова: «Рома! Барс, вытащи его! Вытащи!» – это был уже крик, заставлявший его дёргаться на койке, и медсестре приходилось вкалывать дополнительную дозу седативного.

Эти обрывки складывались в чудовищную картину. Но ответов не давали, лишь множили вопросы. Но они делали Данила из абстрактного свидетеля в кого-то почти одушевлённого. В человека, у которого была своя жизнь: Артём и Ира. Который звал на помощь их общего друга, Рому. Который в бреду продолжал сражаться, спасать, просить прощения.

Вернувшись в пустую квартиру, Вика поняла, что больше не может. Не может быть тенью. Не может ждать у койки. Не может наблюдать, как родители забирают её дочь, чтоб она пришла в себя. Не может жить в этом подвешенном состоянии между прошлым, которое умерло, и будущим, которое не наступает.

Она смотрела на свои руки. Руки хирургической сестры. Руки, которые умели бороться. В операционной была битва. Там была цель. Там были правила, точность, действие и результат. Там не было этой томительной, высасывающей душу неопределённости. Там ты либо побеждал, либо проигрывал, но ты действовал.

Евгений Дмитриевич уже был в своём кабинете, разбирал бумаги. Он поднял голову и снова увидел в дверях эту бледную, но странно собранную женщину.

– Вика?

– Я возвращаюсь. В операционную, – сказала она твёрдо, гораздо громче, чем ожидала.

– А ты готова?

– Не знаю, – честно ответила она. – Но если я не вернусь сейчас, то не вернусь никогда. Я сойду с ума здесь, вне стен операционной.

Он смотрел на неё, оценивая. Видел не только горе, но и отчаянную потребность в контроле, в привычном аду, который был ей понятнее, чем ад одиночества. Он понимал. Не всю глубину её боли, но логику отчаяния. Работа как терапия. Бегство в действие от невыносимой статики горя.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Но с условиями. Ты начинаешь с простого. Ассистируешь на плановых, несложных. Никаких смен больше восьми часов. И при первом же срыве, при первом намёке на панику – всё. Сразу ко мне. И на больничный. Договорились?

Вика кивнула. Выйдя из кабинета, она пошла в операционный блок. Прошла мимо знакомых дверей, за которыми месяц назад разыгралась трагедия её жизни. Не зашла. Прошла дальше, в стерилизационную. Взяла свой личный набор инструментов из шкафчика – тот, что не использовала с той ночи. Разложила его на столе. Стала проверять: скальпели, зажимы,

иглодержатели. Металл был холодным и надёжным в руках. Он не задавал вопросов. Он просто ждал применения.

Впервые за все эти дни у Вики появилась слабая, едва уловимая точка опоры. Не надежда. Не исцеление. Просто точка, за которую можно было зацепиться, чтобы не упасть окончательно в темноту.

Сознание возвращалось к Даниилу. Сначала - тупая, разлитая боль, пульсирующая где-то в районе живота и груди. Холод металла под пальцами. Сухость во рту, густая и противная, будто налип пепел. Потом звуки: ровное, механическое шипение, навязчивый, высокий писк, прерывистые шаги где-то вдалеке. Потом запахи: резкий, химический дух антисептика, сладковатый запах лекарств, под ним – едва уловимый, но от того ещё более отталкивающий запах болезни и страха.

Он попытался открыть глаза. Ресницы слиплись. Моргнул несколько раз. Свет, проникающий сквозь полуприкрытые веки, был слепящим и размытым. Он смог разглядеть только белый потолок с трещинкой, бегущей от светильника, и матовый абажур.

Где он? Его память сейчас была похожа на разбитое зеркало. Осколки образов вспыхивали и гасли, не складываясь в картину. Деревья. Лица. Крик. Вспышка. Горячая волна, отбрасывающая его назад.

Дима. Имя прорезало туман, как нож. С ним пришла первая ясная мысль, полная животного ужаса: Где Дима? Что с теми, кого эвакуировали? Мальчишки же совсем. Как его сын.

Он попытался приподняться, но острая, рвущая боль в боку заставила его захрипеть и рухнуть обратно на подушку. Тело не слушалось, было тяжёлым и чужим. Какая-то трубка мешала в горле, вызывая постоянный позыв к рвоте. Он закашлялся, и каждый спазм отдавался огнём в груди.

Шаги приблизились. Над ним возникло чьё-то лицо – женское, усталое, в синей шапочке. – Не двигайтесь, – сказал спокойный голос. – Вы в больнице. Вы ранены.

Он хрипло выдохнул, пытаясь сформулировать вопрос, но из горла вырвался только хриплый звук. Медсестра что-то поправила у его изголовья, и прохлада побежала по вене. Мир снова поплыл. Но прежде, чем погрузиться обратно в дремоту, он успел подумать: надо найти Диму. Надо спросить...

Вика узнала о Данииле от дежурной медсестры Нины, которая бросила на ходу:

– Котов в седьмой в сознание пришёл. Ненадолго, но пришёл.

Он пришёл в себя. Очнулся. Значит, может говорить. Может рассказать. Сердце колотилось от смеси страха, надежды и леденящего ужаса. Она подходила к двери в палату интенсивной терапии, её рука уже тянулась к ручке, когда в коридоре появился Роман.

Они столкнулись почти лоб в лоб. Он был в гражданском, но выглядел так, будто не спал несколько суток. Под глазами – глубокие синяки, лицо осунулось, в глазах стояло то же выжженное выражение, что и в день похорон, но теперь к нему прибавилась какая-то новая, лихорадочная решимость.

– Вика, – сказал он, и его голос был хриплым от усталости. Он преградил ей путь к двери не физически, но всем своим видом.

– Рома, он очнулся, – выпалила она, пытаясь обойти его.

– Я знаю. Мне позвонили. Я поэтому здесь.

Он взял её за локоть, мягко, но настойчиво отвёл в сторону, к стене, подальше от двери.

– Вика, послушай. Он ничего внятного пока тебе не скажет.

К ним подошла женщина в белом халате – Марина Львовна, психолог больницы, присланная с большой земли. Справлялась она со сложными случаями виртуозно. Но сейчас психолог смотрела на Романа с явным неодобрением.

– Роман Александрович, я не могу согласиться с вашим предложением, – сказала она тихо, но твёрдо. – Пациент в сознании, он задаёт вопросы. Правду нужно сообщать дозированно, но сообщать.

– Какая правда? – вырвалось у Вики, и её голос прозвучал резко. – Какую правду?

Роман обернулся к психологу, в его взгляде сквозило отчаяние:

– Марина Львовна, вы видели его? Он едва держится! Один только намёк, и мы его потеряем! Он сведёт на нет все!

– Я видела, – холодно ответила психолог. – И видела состояние его психики. Он уже догадывается. Он не спрашивает «где я?». Он спрашивает «где Дима? Где ребята?». Молчание сейчас – это попытка. Это оставит куда более глубокие шрамы.

– Шрамы? – Роман зло усмехнулся. – Он весь шитый-перешитый. Жив чудом! Вы хотите добить его информацией? Здесь и сейчас?

Вика смотрела на них, как её собственная жажда правды борется с внезапно нахлынувшим страхом. Роман был прав. Даниил выглядел хрупким, как бы нелепо не звучало это слово по отношению к нему. Что, если правда убьёт его? Но психолог была тоже права.

– О чём вы спорите? – тихо спросила она. – Что вы хотите от него скрыть?

Роман повернулся к ней, его глаза умоляли понять.

– Всё, Вика. Всё, что произошло после того, как они сели в машину. Что Дима... что другие. Он должен восстановиться физически сначала, хоть немного. Оклемаются. Набраться сил. А потом... потом мы постепенно...

– Вы предлагаете врать? – перебила психолог. – Говорить «всё хорошо, все живы», а потом, когда он окрепнет, обрушить на него всю правду? Это садизм, Роман Александрович. И профессиональная безответственность.

– Я предлагаю дать ему шанс! – в голосе Романа сорвалась злость, долго копившаяся беспомощность. – Шанс выжить не только как тело, но и как личность! Если он узнает сейчас, что он...

Роман не договорил, сжав кулаки. Слова повисли в воздухе чем-то тяжёлым и ядовитым. Вика вдруг с ужасающей ясностью поняла, о чём он. Даниил не просто выжил. Он выжил вместо них. Вместо Димы. И если он узнает это сейчас, в своём состоянии...

– Он будет спрашивать, – настаивала психолог. – И если мы будем уклоняться, он начнёт додумывать. И додумает до чего-то ещё более страшного. Я беру этот разговор на себя. Буду контролировать. Сообщу ровно столько, сколько он сможет принять. Поэтапно.

– А если не сможет? – прошептал Роман. – Если он сорвётся? Кто будет виноват? Вы? И самое страшное для него уже случилось.

В коридоре наступила тягостная пауза. Вика смотрела то на Романа, своего старого друга, который пытался спасти товарища, пусть и странными методами, то на психолога, которая отстаивала холодную, жестокую правду науки. И снова на дверь в палату №7. За которой лежал живой человек. Ей самой отчаянно хотелось войти туда. Тряхнуть его за плечи, закричать: «Расскажи! Что он сказал в последнюю секунду?» Но теперь она понимала, что этот вопрос может быть смертельным. Не только для него. Для неё тоже. Потому что, если ему станет хуже, это добьёт её.

– Барс, – тихо окликнула Вика Романа. – А если он спросит о Диме прямо? Что вы скажете?

Роман закрыл глаза, будто от боли.

– Не знаю, Вик. Не знаю.

– Так нельзя, Роман! – возразила психолог.

Викин порыв угас, сменившись дикой усталостью. Она была здесь не нужна. Ни как медсестра, ни как вдова. Здесь шла другая война – за право человека на правду против права на жизнь. И она не понимала на какой стороне находится.

– Я пойду, – сказала она практически беззвучно. – Сообщите, когда с ним можно будет поговорить.

Она повернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Шаги её эхом отдавались в пустом коридоре. Она слышала за спиной приглушённые голоса Романа и психолога, которые снова начали спор. Но её это уже не касалось.

Она вернулась в операционный блок. Зашла в пустую предоперационную, села на жёсткий пластиковый стул. Перед глазами стояло лицо Даниила – незнакомое, измождённое, с закрытыми глазами. Он был здесь, в нескольких десятках метров. Он мог говорить. Но то, что она так жаждала узнать, оказалось миной замедленного действия. И теперь вокруг неё ходили сапёры, решая, обезвреживать ли её или дать ей взорваться, надеясь, что осколки никого не заденут.

На следующий день Вика ожидала Романа, чтобы вместе поехать домой. Вчера они с психологом так ни до чего не договорились. И друг снова приехал в отделение.

Из-за двери палаты доносились голоса, но слов было не разобрать. Истошного звериного вопля, который раздался через мгновение, никто не ожидал услышать. Вика уже рванулась в палату, когда услышала: «Повторите, что вы сказали? Барс, нет! Скажи, что она не знает всего!» В голосе не было угрозы. Только неверие.

Потом всё произошло очень быстро. Удар кулаком по тумбочке. Вырванная капельница. Попадающий подняться Даниил. И рык Романа: «Что вы наделали?!»

Лицо Даниила было искажено болью и бездонным отчаянием. Он смотрел не на Романа, пытавшегося уложить его обратно, и не на побледневшую психолога, прижавшую папку к груди. Он смотрел сквозь них, в какую-то свою внутреннюю бездну.

– Дима! – выкрикнул Данил, голосом, полным такой тоски и вины, что у Вики перехватило дыхание. – Дима, прости! Я не смог!

– Дань, послушай... – пытался до него докричаться Роман, но Даниил, словно обжёгшись, рванулся прочь, вырвался из его хватки.

– За что? Дима, пацаны, дети же ещё! За что меня-то оставили здесь? – бессвязно бормотал он.

Данил, вывернувшись из-под рук Романа каким-то непостижимым образом. Он скрючился, впиваясь пальцами в собственный живот, в область швов, будто пытаясь вырвать оттуда ту правду, которую только что услышал.

– Селезёнка! Не дай бог, швы! – крикнула Вика, уже врываясь в палату на автомате. Её медсестринский инстинкт пересилил шок. Она бросилась к нему, пытаясь зафиксировать его руки, оттянуть от раны. Его пальцы были железными, полными дикой, неосознанной силы. Он вырывался, его локоть ударил её по ребру, больно, но она лишь стиснула зубы.

– Помогай! – крикнула она Роману.

В дверях показался заведующий. Ему хватило одного взгляда, чтоб оценить обстановку.

– Что здесь происходит?! – прогремел его голос, но в нём слышалось больше ужаса, чем гнева.

– Он всё знает! – выпалила Вика.

Психолог, Марина Львовна, сделала шаг вперёд. Её профессиональное спокойствие дало трещину, но голос она старалась держать ровно:

– Он спрашивал напрямую! Он требовал ответа! Соккрытие...

– К чёрту всю вашу психологию! – взревел Евгений Дмитриевич. – Посмотрите на него! Вы добились его! Санитаров! И в операционную!

В этот момент Данил, казалось, на секунду прозрел. Его дикий взгляд нашёл лицо Романа, склонившееся над ним.

– Ром, – выдохнул он, и в этом звуке была такая бездонная тоска и вопрос, что у Романа на глаза навернулись слёзы. – Почему я?.. За что меня-то пощадили?..

И его тело снова выгнулось в немыслимой судороге. Он закричал – тихо, хрипло, уже почти беззвучно.

– В операционную! Сейчас же! – скомандовал заведующий.

Вика и Роман, почти не сговариваясь, помогли переложить дергающееся тело Даниила на каталку. Вика на ходу прижимала к его животу стерильную салфетку. Её пальцы были липкими и тёплыми. Она видела его лицо с застывшей на нём гримасой невыразимого страдания.

– Вика, ты с нами? – резко спросил заведующий.

Она кивнула, не в силах говорить. Она была нужна. Её руки были нужны. Это был ясный, простой приказ в кошмаре: остановить кровь, помочь, спасти. Её собственные мысли, её страх, её жажда правды – всё это отступило перед жёсткой необходимостью действия.

В операционной царила напряжённая, злая тишина. Роману вход был заказан – он остался за дверью, его фигура за матовым стеклом была сгорбленной, будто под грузом.

Вика, натягивая перчатки, бросила взгляд на стол. Данил лежал под ярким светом, бледный, почти прозрачный. Его глаза были закрыты, но веки подрагивали. Анестезиолог быстро вводил препараты, его голос, отдающий команды медсестре, звучал единственным человеческим звуком в этом металлическом аду.

Её руки работали безупречно. Подавала зажимы, тампонировала, меняла салфетки. Её глаза следили за движением инструментов хирурга, предугадывали его потребности. Но за этой профессиональной оболочкой, в самой глубине её сознания, где пряталось всё невысказанное, жила одна-единственная, навязчивая мысль. Не забирайте ещё и его.

Мысль была иррациональной, эгоистичной. Этот человек был для неё чужим. Но в этот момент он был не просто пациентом. Он был последним живым звеном. Последним, кто дышал тем же воздухом, что и Дима в его последние секунды. «Не забирайте ещё и его – молилась она про себя, вглядываясь в алую пульсацию под зажимами. -Оставьте хоть это. Хоть эту частицу того дня. Не оставляйте меня совсем одну.»

И вот, когда казалось, что самый опасный момент позади, и Сергей Петрович начал ушивать мышечный слой, у Данила случился спазм. Не сознательный, а глухой, рефлекторный рывок тела под наркозом. Его живот дёрнулся.

– Держать! – рявкнул хирург. Вика инстинктивно прижала края раны расширителями, чувствуя, как под её руками напрягаются живые, восставшие против вмешательства ткани. В этот момент её взгляд упал на лицо Данила. На его расслабленные, безвольные черты. И она представила, не в первый раз, но теперь с пугающей ясностью, что должно было твориться в его голове час назад. Какие слова, какие образы заставили это сильное, закалённое тело сломаться изнутри.

Правда. Та самая правда, которую она жаждала. Она сделала это. Мысль пронзила её, как ток. Она стояла здесь, своими руками помогая зашивать раны, нанесённые не осколком, а словом. Правдой. Той самой, что она хотела вытянуть из него любой ценой.

Операция закончилась. Сергей Петрович отступил от стола, снял перчатки. «Отправляем в реанимацию. Под постоянное наблюдение. И чтобы к нему никто без моего разрешения!»

Вика хотела правды от Данила Котова. Жаждала её, как утопающий – воздуха. Она видела в нём ключ, отмычку к своему горю. Но сегодня она увидела, что этот ключ выкован из того же раскалённого металла, что сжёг её жизнь. И тот, кто держит его, сам сгорает. Его истерика, его разошедшиеся швы, его лицо, искажённое невыносимой виной – это и была правда. Правда о том, что он, возможно, чувствовал себя виноватым. Эта правда была ядовитой. И если он попытается передать её ей, выговорить, это убьёт его окончательно. Он разорвётся изнутри, как сегодня, но в следующий раз его уже не сошьют.

И тут, глядя на свои чистые, но всё ещё чужие руки в струях воды, она поняла самое главное. Дима. Её Дима. Разве *он* одобрил бы такое? Разве он хотел бы, чтобы человек, которого он, возможно, спас, был растерзан её требованиями, её эгоистичной жаждой деталей?

Нет. Она знала его. Знала, как он берег своих людей. Как ненавидел, когда из-за него страдали другие. Дима отдал бы всё, чтобы его смерть не стала для кого-то новым крестом. А она хотела сделать из этого выжившего мученика, исповедника её горя.

«Мой Дима – герой». Мысль прозвучала в голове не пафосно, а просто. Как констатация факта. Он был героем не потому, что погиб. А потому, что до последнего был тем, кем был – командиром, товарищем, мужем, отцом. Он сделал свой выбор. И этот выбор, каким бы страшным он ни был, принадлежал только ему. Вся остальная правда – детали, которые уже ничего не изменят. Ни для неё, ни для Евы, ни для его родителей. Этого достаточно.

Глава 3. Тонкая нить над пропастью

Утренняя звенящая тишина бесила её. Скоро будет месяц как Вика живёт без сообщений, заменявших ей будильник. В выходные она даже и не вставала до Диминого: «Доброе утро, мои девочки!». Что бы там у него не происходило, а для них всегда утро было только добрым. И сегодня мозг отказывался вставать без привычного ритуала. Вика встала только для того, чтобы приготовить дочери завтрак.

Торопиться ей было некуда. После очередной операции Даниила Котова заведующий сам отправил её в отпуск. Вика не отгуляла его ни в прошлом году, ни в этом. Не до того было. Да и что делать в отпуске без Димы? Она и сейчас с трудом представляла как дальше жить без него. Димины родители, её и она сама существовали, и оживали только в присутствии Евы. Стоило девочке покинуть одну из квартир, и там все снова погружались в тихую скорбь.

Двенадцать лет Вика была за каменной стеной. А теперь этой стены нет. И они все осиротели. Дима был её единственным мужчиной. В тот день у них в травме был аврал. И Роман, молодой травматолог, решил пожалеть новенькую девчонку-медсестру – предложил подвезти её домой. Оказалось, что живут они совсем рядом. По пути заехали за другом Романа. И закрутилось. Оказалась та самая любовь с первого взгляда. В которую не верили ни Вика, ни Дима. Через год она поступила в медицинский. Не доучилась – родилась Ева. Но сожаления не было. После декрета вернулась в травматологию. Начинала с перевязок, потом стала в операционную вместе с Ромой. За годы совместной работы что о них двоих в отделении не говорили... Эти слухи всегда вызывали смех на их дружеских посиделках.

Ева играла на детской площадке. Один из новых ритуалов, за которые она цеплялась – погулять с дочерью. Вика сидела рядом на лавке, когда из-за угла показалась Вера Афанасьевна, мама Романа. Они разговорились.

- Викуш, может ты подхватишь у меня людей на уколы? – предложила ей женщина.

- А вы чего отказываетесь? – удивилась Виктория.

- Да много народу. Мне тяжело, - честно призналась женщина. – А когда Лиза родит, вообще отказывать людям буду.

- А давайте, - неожиданно согласилась Виктория.

Так в её жизни появился ещё один ритуал. Точнее, не в жизни. В существовании. Жила она только на людях.

А вот квартира с каждым днём превращалась в монумент памяти. Всё, кроме комнаты дочери, там осталось так, как было при Диме. Вешалка, где его тёмно-зелёная ветровка висела рядом с её бежевой. Его грубые, поношенные кросовки, аккуратно поставленные на полку. Маленькое зеркало, в которое он, бывало, корчил рожицы, выходя из ванной, чтобы рассмешить её или Еву. Всё было на своих местах. Как будто Дима просто вышел. В магазин. На минутку. Вернётся, снимет куртку, скажет: «Викуль, я дома».

Но он не вернётся. Это знание, уже пробивавшееся сквозь онемение в моменты ясности, сейчас обрушилось на неё с новой, физической силой. Хорошо, что сейчас Ева не дома... Ноги подкосились, и она прислонилась к стене, чтобы не упасть. Вика стояла, не двигаясь, прислушиваясь к тишине. Она была настолько громкой, что в ушах начинал звенеть тонкий, высокий звон.

Живи дальше. Слова, которые ей говорили на похоронах, в больнице, по телефону. Абстрактные, пустые слова. Как жить дальше, когда прошлое не прошло, а застыло здесь, в каждой пылинке, в каждой вещи? Когда будущее – это просто бесконечное продолжение этой тишины?

Вика всё-таки прошла в комнату. На диване лежал плед, которым они вместе укрывались вечерами. На журнальном столике – его любимая кружка с надписью «Лучший папа», подаренная Евой на прошлый день рождения.

Вика обошла комнату, не прикасаясь ни к чему. Её движения были осторожными, будто она боялась разбудить что-то спящее, нарушить хрупкую, мучительную иллюзию порядка. Она подошла к книжному стеллажу, провела пальцем по корешкам его книг – в основном, техническая литература, фантастика, которую он перечитывал по сто раз. Потом её взгляд упал на дверь в спальню.

Она не заходила туда со дня похорон. Спала на раскладном диване в гостиной, рядом с комнатой Евы. Спальня была их территорией. Там на тумбочке лежали его зарядки от телефона, часы, которые он снимал на ночь. Там висела его одежда.

Ноги сами понесли её к двери. Она толкнула её, и та отворилась с тихим скрипом. Воздух здесь был ещё более спёртым. На кровати – неубранное, смятое одеяло с её стороны. Его сторона была аккуратно застелена, подушка лежала ровно, как будто он только что встал и вышел.

Вика подошла к шкафу, протянула руку, взялась за ручку. Дверца открылась, и её обдало волной запаха. Не парфюма, не освежителя. Его запах. Смесь привычного дезодоранта, которого Дима не менял годами, свежевыстиранного хлопка, и чего-то неуловимого, чисто мужского, что было просто им. Запах его кожи, его тепла.

Это было как удар под дых. Воздух вырвался из её лёгких со стоном. Перед глазами повисли его рубашки – клетчатые, однотонные, аккуратно развешанные. Свитера, сложенные на полке. Джинсы. Её рука сама потянулась, чтобы коснуться ткани. Чтобы ощутить эту последнюю, осязаемую связь. Но пальцы, уже почти коснулись ткани и дёрнулись назад, словно от огня. Она резко захлопнула дверцу шкафа. Звук громыхнул в тишине, как выстрел.

Нет. Нельзя. Если она коснётся, если вдохнёт этот запах полной грудью, она сломается. Она рухнет на пол и уже не встанет. А у неё есть Ева. Маленькая, напуганная девочка, которая и так видит маму каменной статуей.

Вика вышла из спальни, плотно закрыв за собой дверь, как закупоривая склеп. Вернулась на кухню. Включила чайник, потому что нужно было что-то делать. Пока он шумел, её взгляд упал на магнитную доску на холодильнике. Рисунки Евы. Список покупок, написанный её рукой. И его корявые каракули: «Вик, не забудь купить сахар. И конфет Еве. Целую.» Записка, оставленная в тот день, когда он уезжал. Она так и висела там, немой укором.

Чайник выключился. Она не стала заваривать чай. Просто стояла, опершись о столешницу, и смотрела в окно на серый, промозглый двор. Время потеряло смысл. Минуты тянулись, как часы.

Она медленно сползла по стене на пол, подтянула колени к груди, обхватила их руками. И наконец позволила тишине войти внутрь. Не просто окружающей – внутренней. Туда, где раньше жили планы, смех, споры, любовь, будущее. Теперь там был лишь холод. И один-единственный, неразрешимый вопрос. Как? Как жить дальше?

Ответа не было. Вика осталась одна. Наедине с призраком мужа, которого не могла отпустить, и с пустотой будущего, которого не могла представить. И единственное, что она могла сделать сейчас – это просто сидеть. И дышать. Вдох. Выдох. Впуская в себя эту новую, невыносимую реальность, по грамму, по капле. Пока не заполнится ею полностью.

Виктория уже собиралась звать дочку и уходить с детской площадки, когда зазвонил телефон. Не глядя, она взяла трубку.

– Аллю?

– Вик, привет, это Роман.

– Рома, – она попыталась вдохнуть в свой голос хоть тень жизни, но получилось не очень.

– Слушай, у меня тут Лиза партизанит. Говорит, что всё нормально, но мне беспокойно как-то. Я разве что вечером поздно смогу вырваться. Не могла бы ты заскочить к ней? Просто, чтоб не одна она была.

Просьба была простой, нормальной какой-то. Побывать с беременной подругой. И в этой нормальности было что-то спасительное. Это и выдернуло Вику из трясины её собственных мыслей в чужую, но реальную проблему.

– Конечно, – сказала она почти сразу. – Сейчас зайду. Мы как раз домой с площадки собрались уходить.

– Спасибо, Вик! Спасительница наша!

Лиза, жена Романа, открыла дверь. Она, и правда, выглядела бледной.

– Вика, спасибо, что приехала, – сказала она, пропуская их внутрь. – Рома панику навёл?

– Привет, Лиз! Ему можно, – Вика попыталась улыбнуться, но губы не слушались. –

Слишком долго он ждал своё счастье.

Ева тут же углядела разложенные на диване рисунки и принялась их рассматривать.

– Тёть Лиз, а что ты рисовала? – с живым интересом спросила девочка.

– Комнату для малыша, – ответила Лиза. – Хочешь мне помочь?

– Очень, – глаза девочки загорелись живым интересом, впервые за последнее время.

– Тогда бери бумагу, карандаши и рисуй, – предложила Лиза. – Хочешь – мои рисунки посмотри, хочешь – своё рисуй. А мы с мамой пока что-нибудь вкусенькое приготовим.

Ева кивнула и схватила бумагу с карандашами. У неё было важное и ответственное дело – нарисовать комнату для малыша. Она и нарисует. Самую лучшую и красивую.

Лиза отправилась на кухню. Достала муку, масло, ягоды, сито и скалку. Подмигнула Вике:

– А мы с тобой пирогом займёмся!

– Нет, дорогая! Ты только ягоды переберёшь, а я тестом займусь, – перебила её Вика. – Тебе отдыхать надо.

Они говорили об обычных вещах: о том, где покупать детские вещи, о новой школьной программе, о погоде. Изредка к ним прибегала Ева показать рисунки и получить одобрение. Над последним, комнатой в несочетаемых вырвиглазных цветах, они расхохотались, стоило девочке выйти из кухни.

– Лиз, вот как это у тебя получается? – улыбнулась Вика. – Мы пришли тебя поддержать. А получилось всё наоборот.

– Так это же хорошо! – обрадовалась Лиза. – Мне с вами, и правда, спокойнее. И чувствую себя получше.

– Вы с Барсом нашли друг друга. Умудряетесь помогать другим даже когда самим помощь нужна.

Вика с Евой и Лизой пили чай, когда вернулся Роман. Он внимательно осмотрел всех троих. Улыбнулся, увидев счастливую мордашку своей крестницы Евы. Чуть дольше задержал взгляд на жене, а потом пристально посмотрел на Вику.

– А меня здесь накормят? – поинтересовался он. – Или сладкое только для девочек?

Лиза хотела встать, но Вика остановила её. Сама поставила на стол чашку и тарелку, отрезала пирог. У Романа с Лизой отлегло от сердца, но ненадолго. Вика периодически стала выпадать из разговора, глядя в одну точку. Когда Лиза увела Еву в комнату, Роман решился начать разговор.

– Викуш, – тихо начал он, садясь напротив. – Тебе нельзя так. Еве нужна мать. Живая.

– Я живая, – равнодушно возразила она. – Я дышу, ем, сплю. Всё как надо.

– Это не жизнь. Это – выживание. Дима не хотел бы этого для тебя.

Вика дёрнулась при упоминании имени мужа.

– А чего он хотел? Он хотел жить. А его нет. И я больше не могу, Ром. Я не могу заходить в операционную. Не могу видеть кровь. Не могу слышать запах антисептика. Каждый раз, когда

я вижу рану, я представляю его. Его раны. И задаю себе тот же вопрос: почему? Почему мы всех спасали, а его не смогли? Почему он, а не кто-то другой?

Она говорила без истерики, и этим пугала Романа ещё больше. Он опасался, что психика подруги не выдержит. Что станет слишком поздно.

– Я никого не виню. И знаю, что ты сделал всё, что мог. И даже больше, чем мог. Но я не могу больше быть частью этой системы. Которая не смогла спасти самое главное.

Вика знала, что Роман понимал её как никто другой. Он сам не раз задавался тем же вопросом, глядя на убитых мальчишек. И они подолгу об этом разговаривали по телефону до того, как в его жизни появилась Лиза. Его принцесса с огромным сердцем.

– Тогда уходи из травмы, – сказал он твёрдо. – Увольняйся.

– Барс, это ты мне говоришь? Не верю, – она удивлённо посмотрела на друга. – И что дальше, Ром? Сидеть дома? Только и делать, что думать об этом? Нет, спасибо. Я сойду с ума.

– Я не предлагаю сидеть дома, – Роман наклонился вперёд, глядя ей прямо в глаза. – Я предлагаю тебе работу. В родильном отделении. И вспомни, что ты реабилитолог от бога, хоть и без диплома врача.

– Ты что, с ума сошёл? Я – операционная медсестра. В травматологии и общей хирургии. Что я понимаю в родах? – Вика замерла, её брови поползли вверх. – Ромка, что за безумные идеи?

– Ты – первоклассный профессионал, Вика. Хоть и без диплома врача. Но в наших реалиях на дипломы глубоко фиолетово. Важно то, что ты можешь. У меня есть на примете пара человек, которым нужны твои умения, твоя твёрдость, – продолжал убеждать её Роман. – Да и в меде можно восстановиться. Тебе сколько оставалось доучиться? Год-два? Я помогу. Только соглашайся, Вика.

– Барс, ты сумасшедший! Мне тридцать три года. На мне ребёнок. Какая учёба? – Вика не могла поверить в то, что услышала.

– И тебе нельзя терять навык, – парировал Роман. – В роддоме ты не будешь видеть смерть. Ты будешь видеть начало новой жизни. Каждый день. Ты будешь помогать им появляться на свет. В этом чёртовом аду, где всё отнимают, ты будешь давать. Давать жизнь. Разве это не то, что нужно сейчас тебе? Диме бы это понравилось.

Вика отвела взгляд при упоминании мужа, её губы дрогнули. Она долго молчала, глядя на свои руки – сильные, умелые руки медсестры. Слишком долго молчала.

– Родильное. Реабилитолог. Это всё из какой-то другой жизни – наконец Вика хоть что-то произнесла. – Хорошо, Ром. Но только баш на баш. Я иду в родильное на полставки, а ты возвращаешься в травму.

– Это шантаж, Вика, – возразил он. – Даже Лиза такого не предлагает.

– Потому что любит. Диме я тоже такое не смогла сказать, – слёзы снова навернулись на её глаза. – Рано или поздно ты сам поедешь кого-то эвакуировать. И, не дай бог, окажешься на месте Димы. Ещё одну гибель кого-то из вас мы не переживём. И я видела тебя той ночью. А потом разговаривала в травме. Ты сделал невозможное. Знаешь, что мне не даёт покоя? Мысли. Если бы ты был уже в операционной, когда Диму привезли, ты бы спас его. Тебе не хватило драгоценных минут. Ром, возвращайся в травму. Сейчас все подзатихло. Ты там нужнее. Ради нас всех, возвращайся.

– Я подумаю, Вика! – Роман крепко задумался о сказанном. – Но это всё не быстро делается.

Лиза вернулась на кухню и Вика, шутя стала жаловаться. Разговор потёк совсем в другом русле. Они потеряли счёт времени. Опомнились, только когда Ева пришла из комнаты со словами: «Мам, я спать хочу».

Когда они прощались, Вика тихонько, почти шепотом вдруг сказала:

– Рома... Спасибо. Что не даёшь упасть.

– Мы же все давным-давно одна семья, – ответил он, и в голосе его прозвучала вся та боль и вся та любовь, которые связывали их всех. – Мы держим друг друга. Иначе никак.

На следующее утро Вика встала по звонку будильника. Дождалась свекровь, чтоб Ева одна не оставалась. Написала заявление и поехала на работу. Свекровь долго смотрела ей вслед в окно и думала: «Ожила наконец-то. Девочка наша ты за себя и за него теперь жить должна».

Заведующий долго смотрел на листок, словно не понимал, что там написано.

– Не могу сказать, что не ожидал такого, – вздохнул он. – И всё равно удивился. Пойдём к главному. Все увольнения только через него теперь. Сама понимаешь.

Вика кивнула. Они пошли по лестницам и коридорам-лабиринтам. Путь до кабинета показался ей бесконечным.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил главврач.

Вика села на краешек стула, сложив руки на коленях. Она ждала.

– Что это? – главврач ткнул пальцем в бумагу. – «По собственному»? В самый сложный момент? У нас и так рук не хватает, а вы...

– Сергей Петрович, у Виктории непростая жизненная ситуация, – мягко, но твёрдо остановил его заведующий.

Вика посмотрела на него прямо.

– Давайте я сама, пожалуйста! Здесь на операционном столе умер мой муж. А совсем недавно я была на операции его напарника. Это и стало последней каплей. Я поняла, что не могу больше работать в травматологии. Каждый раз, заходя в операционную, я буду видеть не пациента, а того, кого не смогла спасти. Я буду искать в каждом мужчине в камуфляже его черты. Я стану фактором риска. Для пациентов, для коллег, для себя.

– Ты лучшая операционная сестра, что у меня есть! – всё-таки вырвалось у заведующего с сожалением. – Ты нужна здесь!

– Нужна как специалист – возможно, – согласилась Вика. – Но как человек, который должен быть холодным и беспристрастным за столом – нет. Я не беспристрастна. Каждая тяжёлая травма будет для меня личной. Когда оперировали Котова, я думала только об одном: «Не забирайте ещё и его». Это непрофессионально. Это опасно.

Главврач, молча, подписал заявление. Они вышли.

– Что дальше, Вика? – спросил её заведующий на прощание.

– Роддом. Реабилитология, – пожала плечами она. – Учиться жить дальше буду.

Глава 4. По разные стороны жизни

Дома никого не было. Вика побродила по комнатам. Ей так захотелось впустить в квартиру побольше света и тепла, что она открыла все шторы и распахнула окна. А затем отправилась на кухню. Солнечный свет мгновенно преобразил всё. И на душе стало чуть спокойнее. Она отправилась на кухню перебрала содержимое холодильника, и принялась готовить полноценный обед. Впервые за последний месяц.

Дверь хлопнула. Дочка вернулась.

- Мам, а чем у нас так вкусно пахнет? – Ева забежала на кухню. – Борщ? Ты решила приготовить борщ?

- Да, моя хорошая! – Вика обняла дочку. – Мой руки и садись ешь.

В глазах девочки было столько радости. «А всего-то и надо было мне снова начать готовить нормально» - мысленно отругала себя Вика. Дети – они ведь как губки. Считывают и впитывают все эмоции взрослых. Надо брать себя в руки.

Следом за Евой вошла Валентина Степановна. Она посмотрела на открытые окна, на кастрюлю на плите, обняла Вику и расплакалась.

- Девочка моя... Оживаешь...

-Мама, садитесь, я и вас накормлю, - захлопотала вокруг неё Вика.

А вечером Вика познакомилась с Владимиром Степановичем, Мужчины семидесяти лет, перенёс инсульт. Профессор, преподаватель, гроза студентов, а ныне – капризный, обиженный на весь мир старик.

- Вы ведь возьмётесь за него, деточка? – с надеждой спросила его жена. – От него уже двое отказались. Точнее, он от них. А мне надо его на ноги поставить.

- Возьмусь, - уверенно сказала Вика.

Для неё это стало своеобразным вызовом, ещё одной точкой опоры. Поставить на ноги этого несносного мужчину. Вопреки всем его капризам и недовольствам.

По дороге домой Вику уже не терзали мысли как возвращаться в квартиру, где всё ещё дышит им, Димой. В голове уже складывался план работы с её первым пациентом. Вика и не заметила как дошла до дома.

На следующее утро она отправилась вместе с Романом и Лизой в перинатальный центр, к Елене. Ей всё это казалось такой авантюрой. Но дома сидеть тоже было невыносимо.

- О, сегодня целая делегация, - улыбнувшись, поприветствовала их Елена. – Вика, сейчас Лизу осматрю, а потом тебя поведу с отделением знакомиться.

- Я справлюсь? – неуверенно спросила Вика.

- А почему ты должна не справиться? – в один голос спросили Елена и Рома.

- Не знаю, - честно ответила она. – Мне страшно.

- Вик, начинать что-то новое всегда страшно, - сказал Рома. – Но ты справишься. Мы все в тебя верим. Правда же, девочки?

Лиза с Леной кивнули. Если все так верят в неё, то она просто не имеет права подвести никого. И она справится. Обязательно.

Уже через неделю Вика пришла в отделение перинатального центра. Первое, что поразило, тут не было привычного ей хаоса. По коридорам не спеша шли женщины в халатах, некоторые с едва заметными округлостями, другие – уже счастливые и уставшие. Это был другой мир. Мир начала, а не конца.

Лена встретила её с улыбкой. Усадила за стол, налила чашку чая.

– Добро пожаловать к нам! У нас тут для тебя не сложно будет, но ответственно. Детки – они не пациенты, они гости у нас. Хрупкие. Начнёшь пока с помощи мамочкам и новорож-

дённым. Плюс бумажная работа. На тяжёлые роды сразу тебя не брошу, не волнуйся. Но очень надеюсь, что ты придёшь со мной в операционную в ближайшее время.

– Спасибо, что приняли, – сказала Вика. – Буду начинать, а дальше посмотрим.

Её провели в отделение новорождённых. И тут Вику накрыло. Тишина здесь была особенной, совершенно не больничной. Её нарушали не писк аппаратов, а тихое посапывание, редкое кряхтение. Воздух был тёплым и пах смесью, детским кремом и чем-то невыразимо нежным. За стеклянной стеной в ряду прозрачных кювезов лежали крошечные малыши. Они спали и строили гримасы во сне.

Вика застыла на пороге, вцепившись в косяк. Её сердце, казалось, остановилось, а потом забилось с такой силой, что зазвенело в ушах. Это было полной противоположностью миру травматологии. ... противоположность её миру. Миру ран, крови, смерти и тишины после неё. Здесь всё дышало жизнью. Хрупкой, только что начавшейся, требующей защиты.

– Ну что, Виктория, привыкаешь? – спросила пожилая медсестра, Мария Ивановна, с доброй улыбкой. – Идём, покажу, где что лежит.

Первый час Вика боялась прикоснуться к этим крошкам, будто её прикосновение могло принести с собой тень того ада, из которого она пришла. Но когда она склонилась над кювезом, чтобы поправить датчик у малыша, родившегося семимесячным, тот открыл глаза. Крошечные, тёмные. Он сморщился, его ротик раскрылся в беззвучном зевке, а потом заплакал. Не криком, не воплем. Тоненьким, настойчивым писком. Простым сообщением миру: «Я есть. Я голоден. Я жив». Этот звук пронзил Вику насквозь.

Она выпрямилась, отшатнувшись, будто от удара. В глазах потемнело. В голове проносились совсем другие звуки. Вой сирены. Крики в операционной. Ровный, зловещный звук аппарата ИВЛ. Тишина после неудачных операций. Этот детский плач, ворвавшийся в самый центр её памяти, взорвал что-то внутри. Ту самую стену, которую она возвела вокруг себя, чтобы не чувствовать.

Вика стояла, не двигаясь, пока Мария Ивановна не подошла, не взяла малыша на руки, не прижала к плечу, убаюкивая.

– Ничего, голубушка, привыкнешь. Это же хорошо, когда кричит. Значит, силы есть.

Вика кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела, как медсестра ловко, с бесконечной нежностью, кормит младенца из крошечной бутылочки. И вдруг поняла: она может здесь дышать.

В травматологии каждый миг был наполнен ожиданием трагедии. Здесь всё дышало ожиданием чуда. Не громкого, а простого. Первого вдоха, первого крика, первой улыбки во сне. Здесь не боролись со смертью. Здесь помогали жизни утвердиться.

Остаток смены прошёл намного лучше. Её движения стали увереннее. Когда она брала на руки очередного малыша, чтобы перепеленать, она чувствовала тепло этого маленького тельца, его доверчивую беспомощность. И это тепло, казалось, по капле растапливало лёд внутри неё. Не растворяя боль – нет, боль оставалась огромной, острой. Но тепло отвоевывало своё пространство. И Вика поняла: ей необходимо это место. Место, где можно было просто быть. Не вдовой. Не сломленной. А просто женщиной, которая делает нужное дело.

Перед уходом она зашла в ординаторскую, чтобы расписаться в журнале. Там же была Мария Ивановна, пившая чай.

– Ну как, выжили? – спросила та с улыбкой.

– Выжила, – ответила Вика, и сама удивилась. В

В её голосе не было горечи. Была просто усталость. Нормальная, рабочая усталость.

– У нас тут так, – кивнула медсестра. – Шумно, суетно, но на душе светло как-то. Особенно когда свои детки дома уже выросли. Идёшь сюда – и будто жизнью заряжаешься.

Жизнью. Да. Именно это Вика и почувствовала. Не свою – свою она ещё не могла ощутить. Своя только-только начинала просыпаться после безумной горе-спячки.

По пути домой вместо навязчивого вопроса «как жить дальше?», крутилось совсем другое. Что купить в магазине, позвонить родителям, чтоб договориться у кого Ева завтра будет, почитать литературу по реабилитации. Обычные повседневные хлопоты И где-то глубоко внутри, под грудой боли и пепла, что-то едва уловимо шевельнулось. Не радость. Не надежда. Но твёрдое, тихое знание: она может дышать. А значит – может и жить. Шаг за шагом. От одного детского крика – к следующему. От одной смены – к другой. Просто жить. Пока боль не отступит настолько, чтобы за ней стало видно что-то ещё.

Палата пахла антисептиком, тоской и тишиной. Даниил лежал на больничной койке, уставившись в потолок. Шевелиться не хотелось. Мало того, что тело казалось совершенно чужим, так он и сам не видел смысла жить дальше. Что он теперь может и кто он вообще теперь?

Год с лишним назад Даниил Котов, успешный владелец небольшой строительной компании, сорвался сюда из областного центра на Урале. Не смог остаться в стороне от того, что происходило в городе его детства. Как истинный ребенок начала семидесятых, он до двенадцати лет жил у бабушки с дедушкой в шахтёрском посёлке на окраине города. Родители работали на стройках по всему бывшему Союзу, а потом осели на Урале. Отцу квартиру дали, Даньку к себе наконец-то забрали. Так у мальчишки стало два места силы – шахтёрский посёлок и очень напоминающий его город на Урале. Он окончил школу, пошёл по стопам родителей в архитектурный. Рано женился, рано отцом стал. В армию уже после института ушёл. Отец с дедом тогда даже порадовались и сказали: хорошо, что не в восемнадцать пошёл, а то попал бы или в Приднестровье, или в Абхазию с Осетией. И очень скоро пожалели о своих словах. Даниил ушёл служить осенью девяносто четвертого. А в декабре того же года началась первая чеченская. И он хлебнул по полной. Там-то он и стал «Архитектором». Вернулся оттуда целым и невредимым, но совершенно другим человеком.

В городе работы не было. Ему предлагали идти преподавать в институт, который к тому времени уже гордо именовался университетом. Даниилину нравилось это дело, но... Зарплату там задерживали, и она была мизерная. Выручил бывший сослуживец, предложил шабашку. Строили дом для очередного местячкового олигарха. Даниил тяжелой работы не боялся. Первый дом строил в качестве разнорабочего, на второй стройке уже вспомнил о своём образовании – даже что-то советовал. Их бригаду стали звать, он стал жену привлекать к дизайну.

Имя заработали они себе быстро, даже слишком быстро. Время такое было. Быстро взлетали тогда. И падали тоже. С ним, к счастью, падения не случилось. И к середине нулевых Даниил уже осел в офисе. Сын Артём пошёл по проторенной семейной дорожке. С женой разошлись, как только Тёмка поступил на первый курс. Разошлись тихо, без скандалов, но работать вместе продолжили. Трофимовская «Не моя вина» была именно про них. Душа к душе путь потеряла, и у них хватило мудрости разойтись по тихому и даже друзьями остаться. Тёмка однажды даже поблагодарил их за это решение.

Прошлой весной во время просмотра новостей из когда-то родных мест позвонил сослуживец. Тот самый, что с работой помог когда-то.

- Дань, я на Донбасс еду добровольцем с ребятами, - без предисловий выдал он. - Деньги нужны. Я всё, что мог из оборота вытянул. Если сможешь чем помочь – буду благодарен.

- Конечно, помогу, - без раздумий ответил Даниил. - И я с вами еду.

- Даже так? – сослуживец ничуть не удивился. - Тогда надо встретиться.

Решение его близкие восприняли по разному. От родительского «Береги себя, сынок» и «С ума сошёл» бывшей жены до непонимающего «Пап, зачем тебе это надо?» Артёма. Разговор на эту тему долгий был. Но Даниил так и не понял услышал ли сын его.

Через неделю они были уже на месте. Почти тем же составом, что демобилизовались восемнадцать лет назад. Познакомились с местными ребятами. Как-то быстро мужики, про-

шедшие горячую точку, и разновозрастные местные, прожившие всю свою жизнь в покое, стали одним целым. А теперь из целого забрали несколько частей. И всё...

Дверь скрипнула. Вошла медсестра с небольшим пластиковым стаканчиком с таблетками в руках.

– Даниил Владимирович, доброе утро. Пора садиться, – ободряюще сказала она. – Лежать дальше нельзя. Мышцы атрофируются. Вам нужно сесть. Хотя бы с моей помощью.

Он не ответил. Её рука потянулась к рукоятке, чтобы приподнять изголовье. Почти машинное движение. И тут его тело напряглось – не для движения, а как камень, глухо и непреложно. Медсестра вздохнула, отступила. Она видела таких. Этот – не первый и не последний.

– Даниил Владимирович, вы же понимаете...

Он отвернулся к стене. Резко, всем телом. Словно отшвыривая от себя весь мир за пределы этой койки. Стена была идеальным собеседником. Зачем? Ради чего они все погибли? Мысль прожигала мозг. Он выжил. Они – нет. Все трое.

– Хорошо, – голос медсестры снова донёсся сквозь шум в его голове. – Не садитесь. Но поесть надо. Суп. Лёгкий.

Он слышал, как она передвигала стол на колёсиках, ставила на него тарелку. Чувствовал слабый запах куриного бульона. Еда была продолжением. Продолжением дня, жизни. А жизни не было. Была только отсрочка перед судом, на котором он уже вынес приговор самому себе.

– Даниил... – медсестра попробовала мягче, почти по-матерински.

Бесполезно. Стена. Она постояла ещё минуту, потом, поскрипывая подошвами кроссовок, ушла. Оставила его в его королевстве тишины и боли. Потолок снова нависал над ним. Белый. Как саван.

Завибрировал телефон. В этот раз мама.

- Даня, сыночек, - донесся взволнованный голос. – Тебя уже можно домой забрать?

- Мам, не надо меня забирать, - отчеканил Даниил. – Я тут буду лечиться.

- Но ты же там совершенно один, - охнула мама. – А тут мы все.

- Я. Не. Буду. Для. Вас. Становится. Обузой, - каждое слово звучало как приговор.

- Ты – не обуза, - всхлипнула мама.

- Мам, я всё сказал, - ответил Даниил и сбросил вызов.

Он не разрешил никому из родных приезжать. Не разрешил и организовать переезд. Какая разница где жизнь доживать? Квартиру в центре, в которую бабушка с дедушкой переехали, так и не успели продать после их смерти. Всё недосуг было. Вот она и пригодилась. Первый этаж. Как раз для него.

Ирина, бывшая жена, не звонила. Только сообщения писала. Но они оставались без ответа. Единственный, с кем Даниил разговаривал, это Артём. И то, только по рабочим вопросам. Всё должно было продолжать работать. Независимо от его состояния. Потому что это залог нормальной жизни его родных. Но стоило сыну заговорить о приезде или возвращении, разговор тут же прекращался.

Медсестра, которая только что была у него, вернулась со старшей. Они перешёптывались у двери.

– ...не ест третий день, только капельницы...

– ...психолог была, без толку...

– ...родных не пускает...

Он слышал. Ему было всё равно. Их слова были просто шумом. за толстым стеклом его аквариума. Даниил снова прокручивал в голове ту последнюю эвакуацию. Если бы он сел за руль? Может по другому всё бы вышло. Стоило ему глаза закрыть, и зараза-память подсовывала последнюю поездку. Он стиснул зубы, чтобы не застонать.

«Почему оставили меня? Зачем? Я жизнь уже пожил. Дом построил. Дерево посадил. Сына вырастил. А они? Мальчишки совсем. И Дима. Не мальчишка. Но жить и жить ему...»
- мысли одолевали, и спасения от них не было даже во сне.

Дверь открылась снова. Вошёл Барс.

- Дан, я только успокоил твоих, - сходу начал он. - Только убедил всех, что нет смысла нестись им через полстраны в наш дурдом. А ты что творишь? Сказать сколько часов над тобой в операционной стояли?

- Не надо. И без твоих нотаций, Ромыч, знаю, что до хрена и больше... ответил Даниил, даже не повернувшись к собеседнику.

- Хорошо, что знаешь. А теперь решил пустить это псу под хвост? Ты о родителях подумал? О сыне? О жене? – не успокаивался Барс.

- Да о всех я подумал... Сын взрослый уже, подхватит предприятие. Надеюсь, что не загубит. Хотя... за год же не загубил – справится. Жена, бывшая, если ты помнишь. Её вообще ничего волновать не должно. А родителям опора нужна, а не обуза. Барс, ты же понимаешь, что я могу и не встать на ноги, - Даниил стоял на своём.

- Тебя тут вечно держать не могут. Скоро выпишут. А до этого, будь добр, соблюдай больничный распорядок! – гаркнул Барс так, что медсестра заглянула к ним. – Ешь, принимай лекарства. Делай, что тебе говорят! Дома, так и быть, доканивай себя, если так уж сильно хочется. Только не на глазах у персонала моего отделения.

- Ты здесь не работаешь уже больше года, - заметил Даниил. – Попытаюсь, но ничего пообещать тебе не могу.

- Скотина ты, Данька... Ты понимаешь, что счет на минуты шёл. Не один раз, а дважды – на минуты. И мы сделали невозможное в эти минуты. И в первый раз, и во второй тоже – уже без меня. Ты должен жить и за себя, и за них... не попрощавшись, Барс вышел из палаты.

Как ни странно, но визит друга подействовал. Он даже улыбнулся, когда услышал от одной из медсестёр: «Вот и отлично! Надо самоубийцей быть, чтоб нашего Романа Александровича не слушаться». Барс, их Ромка, он и здесь своим остался.

Прогресса у Даниила не было. Но и медсестер с врачами он до прединфарктного состояния больше не доводил. Терпеливо ждал, когда его выпишут. А дальше... Как-то оно всё будет. Или не будет.

Через несколько дней приехал Артём. Он стоял у кровати, неловко переминаясь с ноги на ногу. Взрослый уже в свои двадцать четыре и одновременно – потерянный и испуганный. Он смотрел на отца, и не узнавал этого мужчину, уставившегося в потолок. Бледного, осунувшегося, с тенью седины у висков, которой не было раньше.

Данил знал, что сын приедет. Несмотря на запреты. Артём всегда умел настоять на своём. Эта черта досталась ему от него, и сейчас она жгла Данила изнутри стыдом. Он медленно, как тяжелую гирию, повернул голову. Взгляды встретились. В глазах Артёма – гнев, боль, растерянность, жалость. В глазах Данила – пустота. Неловкое молчание затянулось.

- Пап... – начал он, и голос его, обычно уверенный, дрогнул. – Ты не хотел, чтобы я приезжал. Но ты нужен. Срок передачи полномочий мне заканчивается. Пап, возвращайся. Ты нам всем нужен. Ты не думай, я справляюсь, но с тобой спокойнее, надежнее.

Артёму удалось пробиться сквозь стену безразличия. Каждое слово ранило. Его детище. Их общее детище, которое Данил строил пятнадцать лет, а Артём, еще пацаном, приходил после школы, рисовал что-то в уголке и с гордостью пил взрослый кофе из кофейного аппарата. Последний пару лет сын вёл дела наравне с ним. Но тень отца, его авторитет, его последнее слово были всегда. Но не в эти недели.

- Бери всё в свои руки, – прохрипел Даниил. – Ты и так последний год всё делал сам.

Артём замер. Он ждал другой фразы. Ждал, что отец спросит детали. Даст совет. Хоть что-то. Хоть ниточку, за которую можно было бы ухватиться.

- А я здесь, – Данил сделал паузу, вбирая воздух, которого, казалось, не хватало. – надолго. Может, навсегда. И обузой вам быть не хочу и не буду. Ты теперь главный. И бабушка с дедом теперь на тебе.

Он видел, как сын сжал губы до белой полоски. Как напряглась его челюсть. Это был его Артём – когда сильно обижен или готовится к бою. Но бой был не с отцом. Бой был с призраком, с тенью, с пустотой на больничной койке.

- Зачем ты себя хоронишь? – Артём было сорвался, но тут же его голос стал официальным. – Надо подписать временную доверенность.

Даниил медленно приподнялся на локте. Боль в рёбрах пронзила его, как напоминание. Он не стал звать медсестру, чтобы поднять изголовье. Это был его крест, и он должен был нести его сам. Дрожащей, невероятно тяжелой рукой он потянулся к папке. Артём инстинктивно сделал шаг вперёд, чтобы помочь, но замер на полпути. Помощь не была разрешена. Не входила в новые, чудовищные правила этой игры.

Даниил открыл папку. Бумаги. Много бумаг. Он не стал читать. Просто нашёл помеченные строки для подписи. Ручка выскользнула из пальцев, упала на одеяло. Артём снова дёрнулся, но снова остановил себя. Данил поднял её, сжал в кулаке. Он поставил первую подпись. Она вышла корявой, неуверенной, непохожей на его знаменитый размашистый росчерк, который когда-то означал силу и решение.

Лист за листом. Подпись за подписью. Каждый росчерк был отказом. От своих достижений, от своей роли, от будущего, которое они когда-то рисовали вместе. Он передавал сыну не компанию. Он передавал свою прежнюю жизнь. И брал себе взамен эту палату, эту койку, эту вину.

Артём наблюдал. Глаза его блестели неестественным блеском. Он видел, как рука отца дрожит. Видел, как тот стискивает зубы, заставляя себя завершить этот ритуал самоуничтожения. И в какой-то момент гнев в Артёме сменился на жуткое, леденящее понимание. Отец не просто сломлен телом. Он отрекается. От всего.

Последний лист был подписан. Даниил отбросил ручку и откинулся на подушку, закрыв глаза. Силы покинули его.

- Всё, – хрипло сказал он.

Артём медленно взял папку. Перелистал подписанные листы. Бумаги, которые делали его формальным главой того, что отец строил пятнадцать лет. Он чувствовал их вес. Не физический. Вес ответственности, страха и страшной, недетской обиды.

- Пап, но ты же подскажешь, если что... – снова начал он, и в голосе его прорвалась та детская нотка.

Вопросительная, молящая. Даниил неуверенно кивнул и отвернулся к стене. Он всем видом показывал, что разговор окончен. Что он уже здесь. В своей тюрьме. Без прогнозов, без надежды и без желания жить. А Артём – снаружи, в другом мире.

Глава 5 Право на жизнь

Четыре месяца прошли быстро. Даже как-то слишком быстро. Может быть потому, что Вика была занята делом. С утра – роддом. В первые дни там она даже не думала, что когда-то снова станет к операционному столу. Даже мелькала мысль, что не сможет она там работать. Слишком уж сильно всё отличалось от её привычной многолетней работы. Вика тогда дала себе месяц на привыкнуть и на окончательное решение. И ушла бы, но случилась одна пациентка.

В один из первых сентябрьских дней привезли девушку на позднем сроке. Угрюмая, замкнутая, отрешённая от всего происходящего. На уколы приходила самой последней. От еды отказывалась. В ночную смену Вика помогала разносить по палатам ужин. Санитарки уже привыкли, что новенькая медсестра хватается за всё, и не отказывались от помощи. Она поставила поднос на тумбочку. Девушка демонстративно отвернулась к стене. К такому поведению Вика была абсолютно равнодушна.

- Не будешь есть, поставим специальную капельницу, - на автомате слишком резко вырвалась фраза из «травмы».

Вика тут же осеклась. Всё-таки тут совершенно другой контингент, а она цербера включила. Девушка повернулась и с огромной обидой в голосе выдала:

- А зачем вообще жить, когда его больше нет?

- Ради того, кого ты ждёшь, хотя бы, - сдавленно ответила Вика. – Это же его ребёнок? Я была бы счастлива такому подарку.

С одной стороны девушку она понимала, как никто другой. Но с другой... Как бы ей хотелось, чтобы у неё был второй ребенок. Ещё одно продолжение Димы. Слезы покатались по щекам. Вика зашла в сестринскую, умылась. Вдох-выдох. Ещё раз. И ещё. И жить дальше надо.

Она вышла на пост. Санитарка собирала посуду из палат. Из той палаты, где лежала девушка, женщина появилась ошарашенная.

- Представляете, она поела! – радостно воскликнула она. – И чаю ещё попросила.

- Вот и замечательно! – улыбнулась Вика. – У меня печенье есть. Сейчас принесу девочке к чаю.

- Давайте, а я пока подогрею, - засуетилась женщина. – Остыло же всё. И сами тоже попейте. Я и вам принесу.

Когда Вика забирала градусник у девушки, та робко спросила:

- Можно вас попросить? Только если вам неудобно, так и скажите.

- Спрашивай уже, - ответила она, гадая, что же могло такое понадобиться.

- Можете прийти посидеть со мной и поговорить? Совсем немножечко.

- Конечно, могу, - Вика совсем не удивилась этой просьбе. – Только немножечко позже.

Они проговорили полночи. Сначала изливали свою боль друг дружке. Потом просто болтали о разном. Периодически Вика выглядывала на пост. Но ночь выдалась на удивление тихой и спокойной. Словно кто-то наверху дал двум израненным душам возможность исцелиться, хотя бы немножечко.

В следующую смену заведующая позвала Вику к себе.

- Мне надо будет тебе выбивать ещё полставки психолога на отделение, - рассмеялась Елена. – Вик, не знаю, что ты сделала. Но девочка ожила. У неё совершенно другой настрой.

- Просто поговорили, - пожала Вика плечами. – Я рада.

- Мы все с ней разговаривали. Но достучаться смогла только ты, - серьёзно посмотрела Елена. – Хорошо, что ты к нам пришла. Правда. Сегодня ты идёшь на плановое кесарево. Пока только посмотреть.

- Я не знаю... - начала Вика.

- Я знаю. Ты скоро захандришь на посту. И. не дай бог, захочешь уйти. А мне люди нужны. У нас не сложнее чем, в травме.

- Хорошо, - сопротивляться Елене было бесполезно.

После смен в роддоме начиналась другая работа. Она изматывала, забирала силы, но тем ценнее был результат. После тех, с кем Вика занималась, она только и могла приготовить еду да позаниматься с Евой. Потом проваливалась в сон. И это хорошо – не было времени для мыслей, от которых всё ещё хотелось выть. Меньше. Реже. Но всё-таки хотелось.

Сегодня она была у Владимиром Степановича. Того самого профессора. Они уже подходили к завершению. Это сейчас Вика для него практически родной стала, а начинали с отказов и злого «мучительница». С ним она радовалась даже микроскопическому прогрессу. Старичок бурчал ей «подожди» вместо привычного «отстань», и сердце радовалось. За каждый положительный сдвиг Вика захваливала его. Методичное упорство давало результат. Результат, который нужен был им обоим.

Вторым пациентом была восемнадцатилетняя Настя. Сложный перелом бедра после падения с мотоцикла. Мир девочки ограничивался смартфоном и комнатой. Она не отказывалась ни от чего, но выполняла упражнения с таким видом, будто делала одолжение. В душу лезть девочке Вика не могла. Только намекнула родителям – кроме физического восстановления необходимо и другое. Те лишь кивнули и намекнули, что сами разберутся.

Третий пациент оказался самым сложным и самым простым одновременно. Парнишка после ранения хотел как можно быстрее вернуться к своим. Он был нацелен на стопроцентный результат. Но возможности организма не успевали за его мыслями. Лёша то и дело пытался свести на нет полученный результат, перегибая палку с физическими нагрузками. В один прекрасный момент Вика сказала ему: «Ещё раз побежишь впереди паровоза, и будешь искать себе нового реабилитолога. Лёш, ты обязательно вернёшься к своим! Всему своё время» И он услышал. А Вика стала отдыхать с ним душой, улыбалась шуткам, выслушивала его планы на жизнь. Время с ним пролетало незаметно.

В квартире Романа и Лизы царила уютная тишина. Такая бывает, когда груднички спят, а все вокруг на цыпочках ходят.

- Спит? – полушёпотом спросила Вика.

- Ага, - кивнула Лиза. – И Ромка, похоже, вместе с ним. Идём на кухню.

- Ты как, солнышко? – Вика внимательно посмотрела на девушку. – Бледная. Лена просила напомнить, что ждёт тебя на осмотр.

- Мы помним, - взъерошенный Роман зашёл и сразу же обнял жену. – Лиз, садись поешь, пока Санёчек спит.

Он вышел из комнаты и тут же вернулся с бумагами.

- Держи и читай внимательно, - протянул Роман листы Вике, а сам стал накрывать на стол.

Вика листала, читала и не могла вникнуть в смысл. Она смотрела то на бумаги, то на Романа.

- Как? Ромка, как ты это сделал? Я даже не надеялась....

- Продался в рабство, - рассмеялся Роман.

- Барс, ну тебя с твоими шутками, - возмутилась Вика и замахнулась на него бумагами.

- Мне группу студентов после каникул дают, - пояснил Роман. – Всё равно ездил в универ. Твои копии документов у меня остались. Ну и сама ты этим вопросом не стала заниматься, поэтому и решил спросить. Вик, пользуйся моментом, восстанавливайся и заканчивай учёбу на удобных тебе условиях. Обещай, что поедешь и займёшься этим вопросом.

- Конечно, займусь, - Вика обняла его.

- Это надо отметить! – выдала Лиза и поймала нарочито недовольный взгляд мужа. – Чаем, Ромка. Только чаем.

Вика с Лизой тут же переключились на тему материнства. Потом разговор плавно перетёк на работу. Вика рассказывала про своих подопечных. Про Владимира Степановича, с которым осталась пара сеансов, про Настю, про Алексея.

- Так что, Ром, я готова к ещё одному пациенту, - рассмеялась Вика и хотела ещё что-то добавить.

В радионяне послышалось кряхтение. Лиза моментально подскочила и вышла из кухни. Роман тут же посерьёзnel.

- Что, Ром? – обеспокоенно спросила Вика. – Что-то с Лизой?

- Нет. С ней всё в порядке, - он поспешил успокоить подругу. – По поводу работы, Вик. Есть у меня на примете один пациент. Очень сложный случай.

- С Владимиром Степановичем я заканчиваю, - задумалась Вика. – Можно попробовать познакомиться с твоим сложным случаем.

- Он – не просто сложный, - продолжал Роман. – Безднадёжный, можно сказать. Он восстановился насколько это возможно за полгода. С ним никто сладить не может. Он намеренно решил загнать себя в могилу.

Что-то Вику насторожило. Полгода. Намеренно решил себя загнать. Виноват. Память подбросила полустон-полувоплъ «За что меня-то пощадил?» Нет, быть не может. Она ни разу не спрашивала о нём. Была уверена, что его увезли домой, как только врачи разрешили. Там же гораздо больше возможностей.

- Реабилитацию саботирует напрочь. Никакой динамики, только регресс. Врачи разводят руками. Психологи бессильны. Он не просто не хочет жить, Вик, - донёсся до неё голос Романа. – Он вынес самому себе приговор. Моральный труп.

Она слушала, и холодная, тяжёлая волна поднималась где-то глубоко внутри. Слишком это было хорошо знакомо. Именно от этого она сбежала в роддом, к чистому началу жизни.

- Нет, – её голос прозвучал резче, чем она планировала. Она поставила чашку на стол. – Нет, Рома. Безднадёжных не беру. Ты знаешь моё правило. Оно не из вредности. Я могу помочь тому, кто хочет, но не может. Я могу бороться с атрофией, с болью. Но я не могу вдохнуть желание жить насильно. У меня нет на это ни сил, ни права. И желания тоже нет, честно говоря.

- Я понимаю, – голос Романа стал тише. – Он винит себя. Это Даня.

Вика перестала дышать. Звуки – тиканье часов на кухне, приглушённый голос Лизы, из комнаты – исчезли. Она смотрела на Романа, но не видела его. А видела белый потолок палаты интенсивной терапии. Видела совершенно незнакомое лицо знакомого мужчины в бреде, шепчущее обрывки слов. Видела палату, откуда увозили его на повторную операцию.

- Вика, он живёт в квартире, оставшейся от родственников, - продолжал Роман. – Никого, кроме нас туда не пускает. Он нуждается в помощи, Вик. Не только в медицинской. В человеческой. В той, которую, возможно, только ты...

Он не договорил. Он видел, как с её лица сбежала вся кровь, оставив кожу мертвенно-бледной, почти прозрачной. Как глаза, только что усталые, но живые, стали огромными, тёмными и абсолютно пустыми.

Внутри Вики всё рухнуло. Её собственные мысли, её ночные кошмары, её невысказанные вопросы, которые она так старательно хоронила под слоем профессиональной деятельности, грозили вырваться наружу.

Она встала. Движение было резким, неловким. Ноги подкашивались, но держали.

- Мне... нужно идти, – прошептала она, даже не глядя на Романа.

- Вик, постой...

- Нет. Прости. Поблагодари Лизу. Мне... нужно.

- Я думал, ты должна знать, - с раскаянием сказал Роман. – Прости.

– Я знаю, – сказала она, уже открывая дверь. – Теперь знаю.

Вика шла через тёмный двор, и хотела, чтоб дорога до соседнего дома была подольше. План «тройка пациентов, роддом, тишина» дал трещину. Почему он не уехал? Почему родные не увезли? Почему он хоронит себя вместо того, чтобы жить?

Ева с мамой были чем-то очень сильно увлечены. Даже не вышли к ней. Они сидели на диване, разложив вокруг себя фотографии.

- Викуш, а мы вот фотографии в пакете нашли, - сказала мама. – Разложить хотели, чтоб по порядку, но запутались. Поешь и приходи помогай.

- Я не голодная, - отмахнулась Вика и взяла пару фото в руки.

Свадьба Ромы и Лизы. Совсем недавно. А казалось, в другой жизни. Сияющая Лиза, счастливый Роман. Гости. И вот он. Даниил. Сначала он попался на краешке снимка, а потом на тех, где крали невесту.

Она присмотрелась к следующим снимкам. Он, легко, будто пушинку, подхватывает хохочущую Лизу на руки. Казалось, фото оживёт, и можно будет услышать их смех. Следующий кадр. Мужчины выстроились в шеренгу: Роман, Даниил, Дима, Саша, Юра. Все в одинаковых рубашках, все немного навеселе, все с сияющими глазами. Дима обнял Даниила за плечи, что-то кричит в камеру, а Даниил, склонив к нему голову, хохочет, зажмурившись. Они выглядели не просто друзьями. Они выглядели единым целым. Он смог стать пятым в этой четвёрке друзей, знакомых с детства.

Что-то в Вике надломилось. Ярость, которая кипела в ней секунду назад, вдруг ушла. Она смотрела на этого смеющегося гиганта, на его руку, лежащую на плече её мужа, и не могла соединить эти два образа. Образ жизнелюбивого силача, с лёгкостью поднимающего женщин, и образ морального трупа, лежащего в одиночестве съёмной квартиры.

Она провела пальцем по фотографии, по лицам. По Диме. Он смотрел не в камеру, а на Даниила. Между ними была та самая, мужская дружба, когда доверяют человеку спину и жизнь. И она верила в это чувство. Она знала, каким Дима был в дружбе – беззаветным и бескомпромиссным.

Телефон пискнул, уведомляя о сообщении. «Не руби сгоряча, Вик! Подумай! Посмотри на это как врач. Как человек. Он сгорает заживо. И ты одна из немногих, кто может это понять». Их Барс умел подобрать нужные слова...

Она помогла маме и дочке разложить фото в нужном порядке. Проверила уроки у Евы и отправила её спать. К ней же сон не шёл. Вика прижала ладони к вискам. Мешанина из мыслей, образов, обрывков фраз не давала покоя.

Ему зачем-то подарили жизнь, а он её транжирит. Он лёг и отказывается от дара. Накаатило жгучее возмущение. Разве такое можно допускать? «Я должна его вытащить, чтоб он не стал ещё одной потерей в страшной череде» - подумала Вика. Если она вытащит его, если он начнёт жить... Сможет ли он когда-нибудь говорить об этом? Сможет ли она спросить? Ответов на эти вопросы не было.

«Я должна вернуть его к жизни». Это звучало как мантра. Как клятва. В этом был и долг, и вызов, и странная, извращённая надежда. Она решила спасти не просто пациента. Вика хотела отвоевать у смерти хоть что-то.

Но медик внутри неё задавал совершенно другие вопросы: «А если не получится? Ты берёшь самого безнадёжного. Того, кто не хочет. Ты рискуешь потерпеть самое сокрушительное поражение. И сломаться самой». С этими мыслями она и уснула.

Утром Вика набрала Романа. Она подошла к телефону, который лежал на столе. Набрала номер Романа. Он ответил сразу, голос напряжённый:

– Отвезёшь меня к нему сегодня после смены? – спросила она. – И мне нужны будут все выписки.

В трубке повисло короткое молчание.

– Его квартира в пяти минутах ходьбы от роддома. Вик, ты уверена? Это не будет похоже на работу с другими.

– Я знаю, – отрезала она. – Это не будет работой вовсе. Дай адрес, Барс.

Она должна была сделать это. Не для себя. Не для любопытства. Ради него. Ради того, чтобы смех на этой фотографии не остался последним живым воспоминанием об этом человеке. Ради того, чтобы жертва её мужа не оказалась напрасной.

Глава 6. Вызов

Дом, в котором жил Даниил, и правда оказался совсем рядом с её работой. Тем лучше. Минус время на дорогу. Вот и одна из стареньких двухэтажек, которые затерялись среди больших корпусов. Вика любила такие дома. Они и жили в покоем в нескольких остановках отсюда до того, как всё началось. Она свернула во двор и оценила двор с профессиональной точки зрения. Двор заасфальтирован, лавки, дорожки. Даже пандус какой-никакой в подъезде имеется. Отлично. Как только снег сойдёт и потеплеет, можно на улицу выходить будет.

Барс не смог с ней пойти – экстренная операция. Он, как в воду глядел, дал ей на всякий случай ключи. И предупредил: «Даня никого не пускает. Просто открывай и заходи. Сам он дверь не откроет». Вика всё-таки позвонила в домофон. Ответа не было. Открыла дверь в подъезд сама. Первый этаж, седьмая квартира. Солидная дверь. Она нажала кнопку звонка, затем постучала. Действительно, открывать никто не собирался. Да и Вика была готова к тому, что её здесь не ждут и совсем ей не рады. А ведь Даниил может даже не узнать её. Почему-то эта мысль пришла ей в голову только сейчас. Так даже лучше будет.

За дверью по-прежнему было тихо. Ключ вошёл легко, замок щёлкнул с противным металлическим звуком. Вика толкнула дверь и переступила порог. И остановилась, будто наткнулась на невидимую стену.

Это была не квартира. Это было логово. Берлога смертельно раненого зверя, который забился в угол и решил там умереть. Воздух внутри был спёртым, тяжёлым, с запахом застоявшегося табака, перегара и чего-то ещё – сладковато-гнилостного, от чего защипало в носу. Вика, привыкшая к стерильной чистоте операционных, к запахам антисептиков и лекарств, на секунду замерла, подавляя рвотный позыв. Она заставила себя дышать глубже, носом, привыкая.

Прихожая производила вполне приличное впечатление. В кухне было похуже – грязная посуда, пакеты с мусором. В комнаты, вел короткий коридор. Вика прошла по нему и заглянула внутрь. То, что она увидела, заставило её стиснуть зубы до скрежета.

Комната напоминала поле боя после поражения. Шторы были задернуты плотно, не пропуская ни лучика дневного света, но даже в этом полумраке было видно запустение. На полу – пустые бутылки из-под дорогого алкоголя. Вика криво усмехнулась. Тут перед реабилитацией надо организм почистить. Крошки, окурки в жестяной банке из-под консервов, использованной как пепельница. На журнальном столике – гора посуды: тарелки с остатками еды, покрытые зелёной плесенью, кружки с тёмным налётом засохшего кофе, вилки, ложки. Запах здесь был невыносимым, концентрированным, удушающим. И среди всего этого кошмара, на диване лежал он. Даниил.

Вика узнала его сразу. Хотя от того мужчины с фотографии осталась только тень. Он лежал в помятой футболке, когда-то белой, и в спортивных штанах. Лицо заросло густой, неровной щетиной, волосы торчали в разные стороны, сальные, нечёсанные.

Телевизор работал, мелькали какие-то картинки, шла реклама стирального порошка – жизнерадостная женщина демонстрировала белоснежное бельё. Но Даниил не видел этого. Его взгляд был обращён непонятно куда. Хотя, очень даже понятно. В ту самую чёрную воронку вины, о которой говорил Роман. Он не заметил, как открылась дверь. Не повернул головы на звук шагов. Он вообще никак не отреагировал на её появление. Будто она была пустым местом, бесплотным духом, который не мог нарушить его добровольного заточения.

Вика стояла на пороге, вцепившись пальцами в дверной косяк, и смотрела на него. На этого огромного, сильного мужчину, который когда-то смеялся на свадьбе её друзей, который был другом её мужа. И который теперь превратил себя в это. В живой труп, окружённый гниющими остатками собственной жизни.

Внутри неё боролись два чувства. Острое, жгучее сострадание, почти физическая боль за него, за этого сломленного человека. И ледяная, профессиональная злость. Злость на то, что он позволяет себе это. Что он лежит и гниёт заживо, в то время как Дима – её Дима, его друг, – лежит в земле и уже никогда ничего не позволит себе. Никогда не будет пить пиво, не будет смотреть телевизор, не будет дышать даже этим ужасным воздухом.

Она сделала шаг в комнату. Потом ещё один. Остановилась прямо перед ним, загораживая телевизор. Его взгляд скользнул по ней, как по предмету мебели, и ушёл куда-то в стену за её спиной.

– Даниил, – сказала она. – Меня зовут Виктория. Я ваш реабилитолог.

Никакой реакции. Даже мускул не дрогнул на его лице. Он просто лежал, уставившись в стену, и молчал.

Вика подавила вздох. Осмотрела комнату. Увидела стул, пододвинула к дивану и села. Брезгливость она загнала глубоко внутрь. Если ей нужен результат, здесь не было места эмоциям. Только работа. Хотя, в результате Вика уже не была уверена.

– Итак, условия. Я буду приходить три раза в неделю. Понедельник, среда, пятница. По вечерам. После четырех-пяти. Это час занятий и час, – она окинула взглядом комнату, – для наведения порядка. Потому что в таких условиях реабилитация невозможна. Заражение, антисанитария, риск осложнений.

Она говорила, а он молчал. Даже не шевелился.

– Оплата уже согласована с вашим сыном. Всё необходимое для реабилитации буду покупать сама. Но ты имеешь право запросить отчёт в любой момент. – она говорила сухо, хотя внутри всё кипело от увиденного. – Мои правила: ты делаешь всё, что я скажу. Этот месяц уже оплачен, и мы работаем по полной. Дальше, в следующем месяце... Если не хочешь заниматься – говоришь мне об этом прямо. Без саботажа, без игнора. Я не буду тратить своё время на того, кто не хочет работать. Если три раза подряд ты отказываешься выполнять упражнения, я прекращаю занятия. Деньги возвращаются за вычетом уже проведённых сеансов. Всё честно.

Она замолчала, ожидая хоть какой-то реакции. Но её не последовало.

– У тебя есть вопросы? – спросила она, глядя на его затылок.

Тишина. Только телевизор бормотал что-то. Вика начала закипать. Она заставила себя сделать глубокий вдох, вспомнить, что это только первый день. Что он в тяжёлом состоянии. Что нужно терпение.

Но тут он медленно, очень медленно, повернул к ней голову. Его глаза, мутные, красные от недосыпа и, возможно, от алкоголя, сфокусировались на её лице. Он наконец-то посмотрел на неё впервые осмысленно. И в этом взгляде не было ни боли, ни отчаяния, ни даже любопытства. В нём было лишь равнодушие и тяжёлая, свинцовая усталость. Он смотрел на неё, как на назойливую муху, которую нужно прихлопнуть, но сил нет даже на это.

– Девушка, давайте-ка валите отсюда, – сказал он хрипло, простуженным голосом. Каждое слово давалось ему с трудом, будто он разучился говорить. – Мне няньки не нужны.

Он снова отвернулся к стене. Всё. Разговор окончен. Даниил вынес вердикт. Вика сидела и смотрела на него. Внутри неё поднималась волна. Не обиды. Не разочарования. А холодной ярости. Той самой, которая помогала ей в операционной, когда всё шло не так, когда пациент умирал на столе, а она продолжала бороться, стиснув зубы.

Она встала. Подошла к телевизору, выключила его. Экран погас и наступила тишина. Вика повернулась к нему.

– Слушай меня внимательно, – голос её был тихим, но в нём звенела сталь. – Ты думаешь, ты самый сложный пациент на моём пути? Ты ошибаешься. Я работала в травматологии. Видела десятки таких, как ты. Мужчины, женщины, дети. Те, кто потерял руки, ноги, кто смотрел в глаза смерти и выжил. Те, кто хотел умереть, но не мог, потому что рядом были близкие. Потому что у них была семья. Потому что они чувствовали ответственность.

Она говорила, и каждое слово падало, словно чугунная плита. Он не шевелился, но его взгляд, прежде пустой, теперь сфокусировался на ней. В нём появилось что-то, похожее на изумление.

– Ты – не особенный, – продолжала Вика. – Ты – просто ещё один, опустивший руки. Тот, кто решил, что его боль – самая страшная, его вина – самая непростительная. Знаешь, сколько таких, как ты, я видела? Которые лежали и смотрели в потолок, потому что им было «незачем жить»? Много. Очень много. И знаешь, что я им говорила? То же, что скажу тебе сейчас.

Она сделала шаг вперёд, наклонилась к нему. Даниил не отвёл взгляда.

– Мне плевать, будешь ты жить или нет, – выдохнула она ему в лицо. – Абсолютно плевать. Ты для меня – никто. Ты – чужой человек, который решил загнить заживо в собственной квартире. Это твой выбор. Твоё право.

Она выпрямилась, отошла на шаг, но продолжала смотреть ему прямо в глаза.

– Но я пришла сюда не потому, что ты мне нужен. Я пришла сюда, потому что так решила. Потому что я поставила себе цель – поставить тебя на ноги. Не ради тебя. Ради себя. Чтобы доказать – себе и всем, – что я могу. Что есть вещи, которые сильнее твоего желания сдохнуть. Что даже из такого дерьма, как ты сейчас, можно вытащить человека. И я это сделаю. Потому что я так сказала. Потому что я так хочу.

Она выдержала паузу. Он молчал, но теперь в его глазах не было пустоты. Там было что-то другое. Шок. Неверие. И, кажется, первые проблески эмоций. Нет, не эмоций. Просто удивление, что кто-то посмел говорить с ним так, как никто не говорил.

– А когда я закончу, – спокойно выдала Вика, – когда ты снова сможешь ходить, есть, дышать, спать без кошмаров, когда ты станешь человеком – тогда можешь делать что хочешь. Хочешь – снова ляг и умри. Это будет твой выбор. Но сначала я сделаю своё дело. Ты понял? Ключи забираю с собой, на случай если решишь не пустить меня. И ещё. Когда ты последний раз пил? Мне надо понимать идти сейчас за капельницей или оставить тебя в покое до завтра. Есть ли ещё алкоголь в доме?

– Два дня назад, – буркнул Даниил. – На кухне что-то оставалось.

– Завтра вечером приду, – сухо уведомила Вика. – И тут проветрить всё неплохо бы.

Она развернулась и пошла сначала на кухню. Нашла там бутылки дорожущего алкоголя, собрала в пакет и вышла из квартиры, не оглядываясь. Сердце колотилось, ладони были мокрыми. Вика ещё выскажет Барсу за антисанитарию и оставленный в квартире алкоголь. Потом. А сейчас она сделала это. Вошла в клетку к раненому зверю. То, что Вика наговорила Дане, было в высшей степени непрофессионально. Но это и не было обычной работой. Вызов – вот что это было. Теперь оставалось только ждать, примет ли Даниил его.

Дверь оглушительно хлопнула. А Даниил ещё очень долго лежал, не двигаясь. Он слышал, как звук её шагов за стеной, как хлопнула входная дверь подъезда. «Что ты обо мне можешь знать, девочка? И какого черта так со мной разговариваешь?» – думал он. Память тут же услужливо подкинула картинку многолетней давности.

Они с товарищем пришли к сослуживцу. Мальчишка-срочник. Служили вместе четыре месяца, а потом он в плен попал. Освободили. Переломанный и физически, и морально, он всё-таки выжил. Но жить не хотел. В квартиру к нему страшно заходить было. Если б эта девочка тогда с ними была, точно бы в обморок грохнулась. Даниил с товарищем понимали – надо вытаскивать. При разговоре в выражениях не стеснялись. Так же, как и эта Виктория, только похлеще. Вот только у того мальчишки вся жизнь впереди была. И груза вины не было. А у него...

Визит реабилитолога, которая казалась ему смутно знакомой, был очередным вызовом. Только все предыдущие Даниил вполне успешно игнорировал, а этот не получилось. Появление этой девушки было своеобразной отвлекающей пощёчиной.

«Ты – просто ещё один, кто сдался». Слова жгли. Нет, не обидой. Обиды он уже не чувствовал, она давно притупилась. Жгло другое. То, как она это сказала. Без жалости. Без попытки утешить. Без этого тошнотворного сочувствия, от которого хотелось выть. Она смотрела на него, как на очередную рабочую задачу. Они с Артёмом так же смотрели на сложные и интересные проекты. А теперь он, Даниил Котов, сам стал проектом. Смешно...

Ярость после её появления длилась считанные секунды. А когда Виктория начала говорить, она испарилась. На смену ей пришло ошеломляющее изумление. Так с ним не говорил никто. Врачи осторожно подбирали слова, боясь задеть его травмированную психику. Их разговоры напоминали проход по минному полю – не понятно после какой фразы Даниил замкнётся или наорёт. Медсестры сюсюкали, уговаривали и, в конечном итоге, всё-таки скатывались в жалость. Родители и сын всегда разговаривали со смесью обиды и отчаяния. Роман же с друзьями пытались пробиться через его броню грубой мужской дружбой. Они, единственные, кому хоть как-то удавалось достучаться.

Теперь ещё и вот эта реабилитолог-блондинка. Она пришла, увидела его – каким он стал, в этой вони, в этом бедламе – и не испугалась. Не отшатнулась. Не заплакала. Она разозлилась. На него. На его слабость. На его выбор. И швырнула ему в лицо правду. Такую простую и такую невыносимую: ему плевать на себя, но она заставит его жить, потому что она так решила. Не ради него. Ради себя. Ради своей победы. Её даже не смутило, что Даниил послал её. Да, корректно, культурно, но всё-таки попытался выгнать. С другими это срабатывало мгновенно.

Рука сама потянулась к телефону, валявшемуся на подлокотнике дивана. Экран засветился, показывая десяток пропущенных звонков и сообщений – от матери, от сына, от Романа. Он набрал номер Барса, прижал трубку к уху.

Роман ответил после первого же гудка. Голос его был напряжённым и слишком встревоженным:

– Дань? Ты чего звонишь? Что случилось?

Даниил помолчал, собираясь с мыслями. Слова давались с трудом, будто он отвык говорить.

– Ромыч, – выдавил он наконец. – Ты это... убери её. Эту бабу, которую прислал. Реабилитолога твоего.

В трубке повисла короткая пауза. Потом Роман спросил, и в голосе, несмотря на волнение, слышалось что-то, похожее на усмешку:

– Вику, что ли? Она уже приходила? Познакомились?

– Приходила, – Даниил запнулся, вспоминая ледяной взгляд. – На моё «вали отсюда» вообще не отреагировала. Деловая такая. Условия ставит. График, правила... Убери её, Барс. Найди кого-нибудь другого. Мне няньки не нужны. Тем более, на няньку эта блондинка никак не тянет. Стерва – это да.

Он ожидал, что Роман начнёт его уговаривать, убеждать, давить на жалость. Но вместо этого в трубке раздался искренний довольный хохот.

– Стерва, говоришь? – переспросил Роман, и в его голосе отчётливо слышалось удовлетворение. – Отлично. Значит, она тебя зацепила.

– Чего? – Даниил не понял. – Ты слышишь меня, Барс? Я сказал, убери её. Найди другого.

– Нет, Дань, – голос Романа стал твёрдым, без тени сомнения. – Другого не будет. Потому что другого снова прогонишь. Она лучшая. Хоть и... стерва. И я уже вижу результат.

– Какой, на хрен, результат? – взорвался Даниил, но злость его тут же погасла. – Она только что была здесь. Поговорила и ушла. Ничего не сделала.

– Дань, точно ничего не сделала? Уверен? А ты посмотри вокруг, – спокойно сказал Роман. – Посмотри, что изменилось. И это ты! Ты меня набрал, а не я до тебя с десятого раза дозвонился.

Даниил замер. Он медленно обвёл взглядом комнату. Всё тот же разгром, те же бутылки, та же грязная посуда. Ничего не изменилось. Но что-то было не так. Он вдруг понял: он сидит. Он не лежит, уставившись в стену. Держит телефон. Разговаривает. И злится.

– Ты думаешь, я не понимаю, что происходит? – продолжал Роман, и в его голосе звучала та самая профессиональная уверенность, которой они все восхищались. – Ты три месяца не реагировал ни на что. Вообще. Ни на мать, ни на сына, ни на меня. А эта «стерва» пришла, поговорила с тобой несколько минут. И ты уже звонишь мне и орёшь, чтобы я её убрал. Значит, она тебя задела. Значит, ты живой ещё, Дань. Хоть и не хочешь себе в этом признаваться.

Даниил молчал, сжимая телефон так, что костяшки пальцев побелели. В голове крутились слова реабилитолога: «Мне плевать, будешь ты жить или нет». И отчего-то именно это, самое жёсткое, самое безжалостное, задело его сильнее, чем все уговоры и жалость.

– Она будет приходить, Дань, – сказал Роман, и это было не предложение, а констатация факта. – Три раза в неделю. Будешь делать, что скажет. И знаешь что, Дань?

– Что? – прохрипел Даниил.

– Такие женщины, как Вика, просто так не сдаются, – усмехнулся Роман. – Она тебя вытащит. Даже если ты будешь сопротивляться до последнего. Потому что она так решила. Чем меньше ты будешь противиться, тем проще будет. Вам обоим.

Он отключился. Даниил ещё минуту сидел, глядя на погасший экран телефона. Потом обвёл взглядом комнату. Свинарня ещё та, конечно. «Завтра, после шести», – сказала она. И он вдруг с удивительной ясностью понял: Виктория придёт. Обязательно придёт. И плевать ей на его сопротивление, на его «не надо», на его стены. Она придёт, потому что так решила. И будет делать своё дело. А он может лежать и смотреть в стену, а может попробовать встать.

Последняя мысль была невероятно странной, почти пугающей в этой новой реальности. В его мире, где всё было предсказуемо и безнадежно, появился элемент неопределённости. Женщина с ледяными глазами и стальным голосом, которая не боялась его, не жалела его, а просто ставила перед фактом.

Даниил попытался представить, что было бы, если бы он сейчас встал, подошёл к окну, открыл его, впустил свежий воздух, начал убирать этот свинарник. Картинка была настолько чужеродной, настолько нереальной, что он почти рассмеялся. Почти.

Но смех застрял в горле. Потому что вместе с изумлением пришло другое чувство. Слабое, едва уловимое, но оно было. Там, где раньше зияла пустота, вдруг что-то шевельнулось. Что-то, похожее на интерес. На любопытство. На желание посмотреть, что будет дальше. Кто она вообще такая, эта психованная баба, которая врывается в его тюрьму и ставит ультиматумы?

Он перевёл взгляд на телевизор. Экран был чёрен. Она выключила его. Просто взяла и выключила. Без спроса. Без разрешения. Как будто имела право.

Он снова осмотрел комнату. Взгляд задержался на часах. Те показывали четверть пятого. В них, оказывается, села батарейка. Надо же, Даниил даже не знал, сколько сейчас времени. День. Вечер. Ночь. Ему было всё равно.

Но теперь появилась точка отсчёта. Завтра, после шести. Не открыть дверь, не впустить – ни разу не вариант. У неё есть ключ. Барс дал. Значит, может прийти в любой момент. Значит, завтра в она будет здесь, даже если он запрет дверь изнутри.

Даниил откинулся на спинку дивана, закрыл глаза. В голове крутились её слова, обрывки фраз: «Ты думаешь, ты самый сложный пациент?.. Просто ещё один, кто сдался... Мне плевать, будешь ты жить или нет... Я поставлю тебя на ноги, потому что я так решила».

Это было так нелепо, так абсурдно, что впервые за долгое время уголок его губ дрогнул. Не улыбка, нет. Скорее, кривая, горькая усмешка. Но это была эмоция. Первая эмоция за многие недели, не связанная с самобичеванием.

Он вспомнил разговор с Романом. «Она лучшая. И я уже вижу результат». Барс, их Барс, никогда не ошибался в таких вещах. Если он говорит, что эта женщина сможет его вытащить... может, в этом и правда есть смысл? Может, стоит хотя бы попробовать? Не ради себя. А для того, чтобы доказать этой самоуверенной стерве, что она не права. Что он безнадёжен. Что её «я так решила» ничего не значит.

Завтра. Посмотрим, что будет завтра. Посмотрим, хватит ли у неё смелости на ещё один визит. Посмотрим, хватит ли у него сил не открыть дверь.

Он открыл глаза, посмотрел на разгром вокруг. На бутылки, на грязные тарелки, на пыль. Запах, который он перестал замечать, вдруг снова стал ощутимым, резким. Она права. В этом свинарнике невозможно жить. Но он и не жил. Он существовал.

Пересаживаться в коляску не хотелось. Тело было тяжёлым, чужим, непослушным. Но впервые за долгое время он почувствовал что-то, кроме пустоты. Что-то, похожее на смутное, раздражающее любопытство. И это чувство было сильнее желания лежать и смотреть в стену.

Он заставил себя пересесть. Ноги дрожали, в боку кольнуло, голова закружилась. Но он пересел. Подъехал к окну. Дотянулся до шторы, дёрнул. Ткань, старая, пыльная, поползла в сторону, впуская в комнату свет фонарей. Но и он показался Даниилу слишком ярким. Очередным усилием открыл окно на проветривание.

Он развернулся и поехал на кухню. Взял несколько пакетов. Вернулся в комнату и начал методично, медленно, с передышками, собирать бутылки. Одну за другой. В ведро. Звяк. Ещё одна. Звяк. Потом тарелки. Грязные, вонючие, покрытые плесенью. В мусорку. Всё в мусорку. К чёрту. К чёрту эту вонь. К чёрту это гниение. Если уж завтра придёт эта сумасшедшая, пусть хоть не задыхается с порога.

Работа шла медленно, тяжело, каждое движение отдавалось болью в заживающих швах, в мышцах, отвыкших от нагрузки. Но он не останавливался. Потому что остановиться значило снова лечь. А лечь он пока не хотел. Пока в нём теплилось это странное, раздражающее чувство, похожее на злость. На любопытство. На вызов, брошенный самому себе.

Он не знал, что будет завтра. Не знал, сможет ли открыть ей дверь. Не знал, захочет ли. Но одно он знал точно: впервые за много месяцев он чего-то ждал. Завтрашний вечер. И этой стерве с ледяными глазами, которая посмела сказать ему правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.